

ТАМАРА ШАРКОВА

*Сутки
по командирским
часам*

Тамара Шаркова

Сутки по командирским часам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70597927

SelfPub; 2024

Аннотация

Девятилетний Тимка счастливо живет в городе на Оке с папой – Мишей, его женой Зиной, кузеном Вовкой, другом Сенькой и любимой собакой Руной. Скорая встреча с отцом – капитаном первого ранга Антоном Трубниковым – не радует, а пугает его. Тревожно и на сердце у капитана. Они с сыном были шесть лет в разлуке. Была недолгая встреча перед поступлением Тимки в школу. Но мальчик отца не признал. Капитану, пережившему не одну аварию на атомной подводной лодке, предстоит серьезное лечение с неизвестным исходом. Как они встретятся? Возникнет ли между ними прежняя близость?

Тамара Шаркова

Сутки по командирским часам

—Миш, ты как, очень устал? – осторожно спросила мужа Зинаида Васильевна, когда тот, опустошив до дна тарелку с борщом, расстегнул ремень под животом и сказал удовлетворенно: «Теперь чаю – и все!»

—Так... – вздохнул тот. – «Мудрым пользуйся девизом: «Будь готов к любым сюрпризам». Сестрице твоей я понадобится? Или сват без меня дорогу из бара не найдет?»

—С Тимкой надо разобраться, Миша. А то Кристина Николаевна опять его на урок не пустит.

—«На душе и тревожно и радостно...» и чего там еще в твоей любимой песне?! Ну! Что случилось?!

—Крысу дохлую она на учительском столе нашла. С тюльпаном в лапах.

—Тимур сознался?

—Наполовину.

—Это как понимать? Один раз признается, а другой – нет? Где он сейчас?

—А ты не слышишь? С Сенькой мультик смотрят. Про динозавров. Ржут, как жеребята.

—Давай его сюда.

Сказал, отодвинул тарелку в сторону и задумался, опершись локтями о столешницу и погрузив во влажные после душа волосы узловатые пальцы уже тронутые подагрой.

У теперешних отношений мальчика Тимура с учительницей биологии была неприятная предыстория. Он и его верный друг Сенька осенью выпустили на волю двух лягушек, которые были предназначены для изучения пищевого поведения бесхвостых земноводных. Но сделали они это не из озорства, а из высоких гуманных соображений.

Парни из старших классов уверили мальчишек, что биологичка отрежет лягушкам головы и будет пытаться токком. Даже картинку из какого-то учебника показали. Тимка с приятелем наказание выдержали мужественно, но до сих пор считали себя спасителями лягушек и подозревали учительницу в тайном живодерстве.

После ночной работы голова у Михаила Петровича была тяжелой, шумело в ушах, глаза закрывались сами собой. Хотелось одного: добраться до дивана и рухнуть. Но для этого нужно было еще собраться с силами, чтобы подняться со стула.

В это время в соседней комнате шли сложные переговоры между Зинаидой Васильевной и двумя любителями американских мультфильмов о доисторических животных. Наконец, один из них обреченно устремился на кухню навстречу возможным неприятностям.

—Пап-Миша! Ну чего биологичка ко мне цепляется?! — громко заявил он с обидой в голосе, едва переступив порог.

Михаил Петрович страдальчески поморщился, открыл глаза и по школьному аккуратно сложил пред собой руки — одна на другой.

—Кутик, — сказал он устало.— убавь звук. Голова раскалывается.

Мальчик Тимур, которому Михаил Петрович приходился дядей по матери, вздохнул и подошел к столу.

— — Не нужно тебе по ночам работать.

— Ладно-ладно, дипломат. Пойдем я прилягу, а ты расскажешь что там у тебя в школе.

Михаил Петрович устроился на диване в гостиной, укрылся пледом, а мальчик сложил ноги по-турецки и присел на ковер рядом с ним.

—Эта Крысина Николаевна...

—Тимка прекрати!

—Ладно. Мы с Сенькой нашли в туалете дохлую крысу и положили ее биологичке на стол... для опытов. А что такого?! У нее там дохлых жуков целая коробка, и бабочки прищипленные, и сова со стеклянными глазами. А тюльпан там уже лежал. Мы его не трогали.

—Так. Умничать перестал, позвал Зину, а сам давай прощаться с Сенькой.

—Пап-Миша, ну, нам совсем немного осталось. Десять

минут!

—Хорошо, но чтобы через десять минут в доме была полная тишина и никаких посторонних!

Когда все указания Михаила Петровича были выполнены, Тимур был водворен в свою комнату, а Зинаида Васильевна принесла мужу телефон.

Он вздохнул, набрал хорошо знакомый номер и пророкотал бархатным баритоном:

—Леся Ивановна, добрый вечер. Это Миша Рокотов. У нашего Тимки опять с учительницей биологии какое-то недоразумение вышло. Вызывает меня в школу, а я приболел. Парня, я, конечно, накажу по всей строгости, но, может, обойдется без присутствия родных. Вы же знаете Зину. Ей с нашим Володькой проблем хватило. Она теперь в школу ни ногой. Так вот я и думаю, не посоветуете ли, как нам быть. Да... Да... слушаю Вас внимательно. Подойти перед уроками? Разумеется... подойдет. Спасибо, Леся Ивановна, большое спасибо!

Михаил Петрович положил трубку на рычаги и устало сказал жене, все еще прижимающей телефон к кухонному фартуку.

—Не волнуйся, Зинуша, наша добрая фея обещала все уладить. Хорошо еще этот паршивец учится отлично. В Антона пошел, в его породу, не в нашу.

—Я, между прочим, – обидчиво поджав губы, сказала Зинаида Васильевна, вытирая телефон фартуком и ставя его

на место, – всегда была твердой хорошисткой. А до пятого класса почти отличницей. Это ты нашу породу подпортил.

Михаил Петрович посмотрел на жену с нежной иронией, но ничего не сказал.

— Скажешь нет?! – не успокаивалась Зинаида Васильевна.

– У тебя руки всегда себе работу найдут, еще и чужую сделают. Зато голова только для того, чтобы книжки интересные читать. И Вовка наш потому такой же. А ведь не глупее других. Книжек дома больше, чем в районной библиотеке. Леся Ивановна Володю даже на олимпиады по географии посылала. Закончили бы институты и сидели, как наш сосед, в приличном помещении, балансы подводили. Так нет, один прорабом корячится на старости лет, другой мерзлоту какую-то бурит для Газпрома!

— Что же поделаешь, Зинуша, если для рабочего парня не нашлось подходящего дела ближе Сургута, – вздохнул Михаил Петрович. – Может и нам с тобой в какой-нибудь Уренгой на заработки поехать? А?

— Ну да, будешь ты вместо борща сушеной картошкой питаться! – отмахнулась Зинаида Васильевна.

— Какой еще сушеной картошкой? – делано возмутился Михаил Петрович! – Судя по письмам, твой сын там гранадиллой* питается и маракуйей* закусывает!

– Ну тебя, Мишка! Вовка тебе не то еще напишет, чтобы я не волновалась! Когда только он в отпуск домой приедет ..

а не в какую-нибудь Шри-Ланку!?!)

Помолчали.

—Миш, об Антоне ничего? На Тимку смотреть больно!

—А то я бы тебе не сказал! Лечится, значит после аварии.

Но погон ему, пожалуй, больше не носить.

—И Слава Богу!

—Да не скажи. Это мы с Вовкой армию отбыли и забыли... как страшный сон. А он — военная косточка, подводник, и дед его в войну на торпедоносце ходил, и отец в Соловках в школе юнг учился. У него на атомной лодке не служба, а сплошная наука была. И он это любил.

—Ну, и без лодки своей Антон не пропадет. Высшее техническое образование, языки знает, два военных ордена в мирное время. Найдут ему работу! Меня больше беспокоит, как они с Тимкой встретятся.

—Подумала бы лучше обо мне. Как я с Тимкой расстанусь.

—И думать не буду. Куда это он его от нас заберет? Ни кола, ни двора! Да и сам Тимка не захочет. Антон к нам, когда приезжал? Когда Тимур в первый класс пошел. А сколько раз он об отце спрашивал после этого? Разве что в первое время. Как о матери, так и об отце — ни словечка. Молчит.

—По разному он молчит, Зинуша, вот в чем дело. О матери он молчит, потому что мало думает о ней, а вот об отце... потому что думает слишком много.

—Ой, мудришь ты Миша.

—Да нет, просто слишком хорошо знаю своего Кутика.

—Точно, что «твоего». Он же денечка без тебя не проживет.

—То-то, что не проживет. Потому и боится лишний раз об отце спросить. А я уж не знаю, на какой козе к Тимке подъехать, чтобы, объяснить, что Антон не злодей, который хочет отобрать его у нас. И я папой-Мишей для него на всю жизнь останусь.

В это время из дверей высунулась Тимкина вихрастая голова.

—Пап-Миша, можно мне во двор на качели?

—Иди сюда. Завтра перед уроками подойдешь к Лесе Ивановне, и что она тебе скажет, то и сделаешь.

—Ладно-ладно. Ну, можно на качели?

—Можно, но завтра. Понял? Веревки я поменял. Вот только думаю, не переставить ли столбы подальше от забора. Уж больно лихо вы с Сенькой раскачиваетесь. Соседи боятся, как бы вы к ним на веранду не залетели. А сейчас – марш в свою комнату под домашний арест!

—За что?!!

— За то! Цветы – отдельно, крысы – отдельно. И чтобы в кабинет биологии без дела нос не совать.

Спать легли поздно. После программы «Время» смотрели по телевизору любимый фильм «В бой идут одни старики». Тимку отравили спать в десять часов. Но он, уже в пижа-

ме, столько раз выходил «попить воды», что, в конце-концов, очутился у Михаила Петровича на коленях, где и задремал.

Последней легла спать Зинаида Васильевна. Вспомнила, что не замочила на ночь рабочий комбинезон мужа и встала уже с нагретой постели. Когда возвратилась, Михаил Петрович крепко спал. А у нее сон пропал. С чего-то вспомнилась золовка, Тимкина мамаша, которая пятый год безбедно жила в Канаде и вестей о себе не подавала. Михаил сам о ней узнавал через своих одноклассников, которые уехали в Торонто в одно с ней время.

И как это в одной семье один ребенок вырастает таким хорошим, как Мишка, а другой уродом. Не в смысле красоты, конечно. Надька была в поселке первой красавицей. Выше брата на голову, талия, как у артистки Гурченко, кудри по плечам и глаза! Огромные серые с темным ободком... У Тимки такие же, и еще волосы вьются, потому все говорят – в мать. А в нем гораздо больше от Антона, гораздо больше! И бровки прямые в ниточку, и нос – совсем даже не вздернутый, и губка верхняя забавно так выпячивается. А что волосы вьются, так они и у Мишки вились... когда были. Только они с сестрой – русые, а Антон и Тимка – чернявые.

Потом Зинаида Васильевна подумала, а не подкрасить ли ей волосы хной, как советовала сестра Клара. Стала прикидывать, стоит ли делать это самой или пойти к подруге Насте в парикмахерскую. Потом вспомнила, что обещала той рецепт сладкого плова, прикинула, во что же он обойдется

ей по нынешним временам, стала перемножать и складывать граммы и рубли, путая одно с другим, и, наконец, задремала.

На следующее утро Тимка, как было строго наказано Михаилом Петровичем, до занятий подошел к учительнице географии и вместе с ней отправился восстанавливать дипломатические отношения с биологичкой. Говорила в основном Леся Ивановна, а Тимка стоял, скромно потупив голову, и рассматривая шнурки на кроссовках. Они были разные. Один был красный, а другой – белый – знак братского единства с Арсением, то есть Сенькой Лозовым. И не было у него предчувствия, что их дружба, спаянная манной кашей еще в детском саду, вскоре может подвергнуться суровым испытаниям,

День был обычный с о-очень короткими переменами и скучными длинными уроками. Девчонки после уроков растоптали мел у доски. Но от уборщицы тряпкой попало не им, а Сеньке, который своими кедами наследил в коридоре. Из-за такой несправедливости он разозлился и выбросил через окно рюкзак одной из чересчур наглых девиц. Поскольку класс их был на первом этаже, ничего с ее «бэгом», разумеется, не случилось. Но визжала Катька, как резанная, и классная велела Сеньке принести рюкзак назад. Спрашивается, зачем?! Чтобы лишний раз таскаться с ним по школе?

Потому Сенька, не будь лохом, спустился во двор, зашвырнул рюкзак в окно и умчался домой под кудахтанье всего женского состава пятого «б».

Поскольку была пятница, друзья договорились отпроситься у домашних и вечером отправились играть в футбол на школьном дворе.

После победы «Зенита» на кубок УЕФА многие пацаны в поселке заделались футболистами. И Тимка с Сенькой туда же.

—Чтоб до ужина были дома! – крикнул Михаил Петрович Тимке вдогонку. – Бэкхэемы!

—Не-е! дядя Миша! – оглядываясь на бегу, крикнул Сенька. – Я – Погребняк, а Тимка – Малафеев!

Михаил Петрович хмыкнул и принялся выдирать гвозди из обветшалых ступенек летней беседки, когда-то названной его сыном Володькой «Монплезиром». Правда, три первые буквы со временем сами по себе отпали, и постепенно деревянное строение из старых досок и фанеры, увитое хмелем, стало именоваться «Плезиром».

Когда-то взрослые усаживали маленького Тимку внутри беседки на ковер и оставляли с кучей игрушек и книжек, а сами занимались во дворе и на огороде всякими неотложными делами, не теряя мальчишку из виду.

Больше игрушек парнишку развлекали узоры на ковре. Он обводил их пальцами, и потом довольно связно рассказывал про собачку, которая испугала бабочку на цветке, и она перелетела... Тут Тимка становился на четвереньки и, перебравшись на другую сторону ковра, находил подобный узор. Было и такое место, к которому он старался не прибли-

жаться.

Там было что-то похожее для него на бабу Ягу.

Ничего этого взрослые до объяснений Тимки не видели. Ковру было двадцать лет, и, глядя на него, все говорили, какой чудный орнамент. И только. Тимкино открытие дало начало семейной игре: кто больше найдет среди узоров разных забавных фигур. Вовка сразу обнаружил вертолет, Михаил Петрович – медведя и яхту. Но одержала победу и поразила всех Зинаида Васильевна. Она увидела курочку с петухом, лошадку, барышню в кокошнике, бабу с коромыслом и даже точный профиль своего бывшего почтового начальника Пупченко.

«Нянькой» при трехлетнем малыше и сторожем при беседе была Руна – помесь московской сторожевой с отцом неизвестной породы. Размером она была в мать, но рыжая шерсть на морде смешно курчавилась, как у терьера. Руна приглядывала за Тимкой, как за собственным щенком.

Михаил Петрович вспоминал эти игры с ковром, примеряя к лесенке последнюю ступеньку, когда хлопнула калитка, и Тимка опрометью промчался в дом. Поскольку не в обычае мальчишки было быть таким деликатным и не совать любопытный нос во все, что его не касалось, Михаил Петрович помедлил минуту, а потом тяжело поднялся с колен и отправился вслед за племянником.

В доме было тихо, только в ванной шумела вода. Тимка сидел на краю ванны, рядом с которой валялись босоножки

и пара грязных носков, и, как зачарованный, смотрел вниз. Михаил Петрович поглядел ему через плечо и увидал, как по желтоватой эмали алым языком стремительно расползается окрашенная кровью вода.

— Давай разворачивайся! – приказал Михаил Петрович и, став на одно колено, ловко принял в большие руки мягкие детские ступни.

Большой палец на правой ноге был основательно сбит, но ничего более криминального не наблюдалось.

— За индусов играл? Какого ты... кроссовки пожалел! Я ж вам с Зиной говорил, не покупайте белых! – сказал Михаил Петрович с укором.

Он приложил к пальцу салфетку из аптечки, снял с полки над раковиной бутылочку с перекисью и основательно промыл ранку. Потом взял в руки ножницы. Мальчик дернулся.

— Тихо! Чего испугался? Думаешь, палец отрежу?! Пластырь лучше подай. Сейчас заклеим это безобразие. Всего и дел!

«Вовка в таком случае прикладывал к ранке подорожник, из игры не выходил, но дома сразу же

обращался за помощью, – думал, вздыхая Михаил Петрович. – С Тимкой все сложнее. Случись что, виду не подаст, зато навывдумывает бог знает чего, будет таиться и геройски переживать. Вот сейчас ждет вестей от отца, хочет, чтобы Антон приехал и, в то же время, боится этого. И все молчком».

Когда любимая жена Михаила Петровича Зина возвратилась домой от подруги Насти, оба ее мужчины сидели в «Плезире» с новенькими ступеньками и дулись в «морской бой». Над головой у них белым светом сияла витая «экономная» лампочка, а на новенькой ступеньке дремала старушка-Руна, которая никак не могла оправиться после недавней тяжелой болезни.

Глядя на лампочку, Зинаида Васильевна опять подумала о Тимкином отце Антоне: «И как это он всю жизнь под водой живет и света белого не видит? И когда же объявится, чтобы с сыном повидаться?». Впрочем, мысль эта не задержалась у нее в голове надолго. Шел девятый час, и она срочно принялась прикидывать, разогревать ли ей к ужину гречневую кашу или приготовить сырники с таким расчетом, чтобы не возиться завтра утром с завтраком.

Михаил Петрович, по уличному Миша-бригадир, который в очередной раз промазав мимо хитро поставленного Тимкой линкора, в это время тоже думал о свояке Антоне Трубникове. После недавнего посещения военкомата мысли у него были тревожные. Что там с Каперангом и его подводной командой произошло так и не известно. Почему так долго не было от Трубникова вестей? Демобилизуют ли теперь Антона или дадут новое назначение, кто знает... Понятно только одно, всех их ждут большие перемены: и его самого, и Зину, и Кутика с загадычным дружкой по всякому детскому

озорству – Арсением Лозовым.

Когда три года назад Антон выбрался из своего далека, чтобы увидеться с сыном перед походом на новой подводной лодке, и тогда трудно было представить, что по его возвращению, с Тимкой придется расстаться. А ведь рядом еще был родной сын Вовка со своими проблемами. Теперь же и вовсе невозможно было представить себе жизнь без детей.

Ох, и трудная была у них встреча со свояком – подводником. Вернее знакомство. Михаил Петрович тогда бессонными ночами, как в шахматной игре, всякие комбинации мысленно разыгрывал, просчитывал на три хода вперед слова и поступки и за себя и всех своих домочадцев. И как Антона не обидеть, и Кутика от себя не оттолкнуть. И как Зину утихомирить, чтобы не дай Бог при мальце Надежду, сестру его – Тимкину мамашу, злым словом не поминала. И чтобы Володька со своими после армейскими загулами не показался свояку неподходящей компанией для малолетнего сынишки. Антон уже тогда подумывал в какой-то там интернат Тимку во Владивостоке отдать.

Проще всего было уладить проблему с Вовкой. Они всегда понимали друг друга с полуслова.

С Зиной тоже все решилось по-хорошему. Очень она Антона уважала. За образованность, особую какую-то военную обходительность с женщинами и чистоплотность. И красавец он был, чего уж там. Ни чета поселковым мужикам. Так

что о Надежде она не злословила. Похоже, не из-за мужа или Тимки, а исключительно ради сочувствия к Каперангу.

Беда была только с Кутиком. От матери, когда Надежда оставила его трехлетним, он отвык сразу. Не очень-то был к ней привязан. Няню чаще вспоминал. А отца, все звал. По телевизору, если видел кого-то в морской форме, считай, пропала ночь. Зине не давался, хотя днем слушался ее охотно. С Вовкой любовь тоже была исключительно дневной. А вот засыпал только на руках у Михаила.

Но когда через три года Антон приехал повидаться с сыном перед поступлением его в школу, Тимку как будто подменили.

Как только появлялся Антон, парень глаз на него не поднимал, стоял столбиком, только руки двигались беспокойно: крутил в них что-то или тер друг о друга, пальцами шевелил. На все вопросы отца либо пожимал плечами, либо односложно отвечал: «да» или «нет». И то – шепотом. Вот всем своим видом давал понять, что отца не признает и общаться с ним не желает.

Может, если бы Антон приехал в форме, а не в новомодной гражданской куртке, Тимке легче было бы связать в своей детской памяти прошлое с настоящим. К тому же и времени у них не хватило друг к другу привыкнуть. И то сказать, пробыли они вместе всего неделю. Так что увидеться-то они увиделись, да не встретились!

Антон Трубников, которого с легкой Вовкиной руки все

звали «Каперангом», ждал тогда выхода в море. И хотя он был очень расстроен тем, что сын его не признал, мыслями своими он уже был на своем очень Дальнем Востоке, где его экипаж атомной подлодки нового поколения готовился к походу. Потому решил душу себе не рвать, а с семейными проблемами разобраться, когда вернется.

Михаилу Петровичу многое хотелось рассказать Антону о шестилетнем Тимке. Что никакой он не дикарь и тихоня, а очень даже большой затейник.

Кукольный театр придумал. С Марусей Сытиной, кухонной, и Сенькой представления устраивают. «Синдбада Морехода» показывают. И много еще чего. Только иногда казалось, не нужно все это Антону. Что смотрит он на сынишку и не видит его, а все жену вспоминает, и рану на сердце бередит.

Так и прошла та единственная неделя. Днем вместе с Зиной Антон оформлял документы для школы, а по ночам почти не спал, курил на ступеньках, ждал, когда Михаил из ночной смены возвратится. Но и у них душевной беседы не получилось. Трубникову и Михаилу Петровичу надо было поговорить о разводе, об опекунстве, но оба не знали, с какой стороны начать разговор. Решили отложить все до следующего приезда. Кто же знал, что подводная «Одиссея» каперанга Антона Трубникова продлится не пару месяцев, а три долгих года. В первые два они пусть и с опозданием, но еще получали от него короткие письма, а потом никаких вестей.

Вот уж, действительно, «канул в воду».

Расставание было тягостным для всех, кроме Тимки. Потому что получилось так, как он задумал. А задумал он не понравиться этому молчаливому строгому человеку. Не дурачок он, Тимка, чтоб не понимать, кем ему этот Трубников приходится. А значит, если бы захотел, увез бы его с собой. От папы-Миши, Руны, Зины, Вовки, Сеньки Лозового. Вот уж нет!

Иногда Тимур вспоминал какого-то человека, которого ему очень не хватало. Но Тимка точно знал, что это был не этот... Антон. От Того пахло чем-то горьким, даже от пальцев. Но Тимке это нравилось. И еще Тот всегда смеялся, даже когда Тимур дергал его за пряди черных волос, похожих на жесткую траву.

А этот... Антон... ни разу не засмеялся. И пахло от него чем-то парфюмерным. Вовсе даже неприятным.

Первое время после того, как сестра оставила у них племянника и укатила с какой-то своей знакомой в Канаду, Михаил очень боялся, как это отразится на мальчонке. Уж больно долго он ни с кем говорить не хотел, к Руне прижимался и папу по ночам звал.

Потому Тимкиным детским шалостям Михаил Петрович от души радовался, поражая этим Зинаиду, которая хорошо помнила, как за такие же проделки родному сыну Вовке ча-

сто доставалось ладонью пониже спины.

Папа-Миша не расстроился даже тогда, когда на Сеньку и Тимку пожаловались в детсаду, что они на занятиях танцами разбили друг другу носы из-за девочки. Хотя, конечно, и отругал своего Кутика и мороженое не купил в воскресенье. А потом, в назидание, стал по вечерам читать пятилетнему племяннику, как юнкер Александров, герой любимой повести Куприна, готовился к балу в женском училище. Надо сказать, Тимка слушал его с большим интересом и не прочь был продолжить знакомство с «Юнкерами». Но Михаил Петрович до поры до времени истертый зеленый томик спрятал, а предложил Тимке почитать историю про пуделя Артошку и его хозяев.

Собаки в жизни Тимки играли особую роль. В результате сердечной дружбы с Руной, он, как маленький Маугли, в каждой из них видел своего друга. И года в четыре до смерти напугал Клару – сестру Зинаиды, когда залез в будку их злобного цепного пса Цербика, который, на глазах остолбеневших взрослых, нежно скуля, облизал лицо мальчишки длинным шершавым языком. Свидетель этого «подвига» соседский пацан Сенька, пожалуй, впервые посмотрел тогда на приятеля с уважением, хотя тот был младше его почти на год и был новичком в старшей группе детского сада. Но с этих пор Сенька стал часто ходить с Тимкой в обнимку и даже пару раз угощал его жеваной вишневой смолой, вынутой из собственного щербатого рта. Бдительной Зине это

показалось подозрительным. Таких озорников, как Сенька, она видела насквозь, потому что имела более чем двадцатилетний опыт общения с собственным сыном Вовкой, бо-ольшим специалистом по части шалостей. И беспокойство ее оказалось не напрасным. Благодаря этому, она успела вовремя выхватить Тимку из вольера, где местный предприниматель разводил бойцовских собак, и куда из природной любознательности Сенька пытался засунуть нового приятеля.

С Сенькой разбирался лично Михаил Петрович. В результате на общение Тимки с Арсением вне детского сада был наложено «вето». Им было категорически запрещено общаться без надзора взрослых и перебегать из двора во двор, для чего папа-Миша приладил на калитке какой-то хитроумный запор.

Все было бы хорошо, но Зинаиду Васильевну вскоре стало беспокоить полное равнодушие друг к другу, которое Тимур и Арсений демонстрировали в присутствии родственников просто-таки по системе Станиславского. Между тем, в детском саду, по словам ее подруги, няни-Маши, дисциплину мальчишки нарушали исключительно вместе!

Спустя некоторое время, у Зины стала пропадать с грядки едва начавшая «набирать тело» морковка-каротелька и сами собой выщипываться зеленые хвосты молодого лука. Идя по следам, оставленным кое-где злоумышленниками, она нашла их тайное убежище за кустами смородины между двумя древовидными сиренями. Это было нечто вроде шалаша

двух Робин Гудов, где роль мебели выполняли деревянные обрубки, предназначенные для колки дров. На одном из них стояли миска, которую Зинаида разыскивала вторую неделю, старая деревянная солонка и пара пластиковых стаканчиков. Все было аккуратно накрыто куском задубевшей от старости клеенки, прижатой двумя самодельными луками. За сиренями Зинаида Васильевна быстро нашла в заборе две раздвигающиеся доски, от которых тайная тропа через заросли крапивы вела в соседский двор.

Михаил Петрович велел жене присматривать за парнями тайно и сердечную детскую привязанность не нарушать.

В школу Тимка и Арсений пошли вместе. И теперь друзья переходили уже в пятый класс, получив по новой программе начальное образование за три года.

Когда Антон уехал от шестилетнего своего пацана, видно было, что Тимка о нем не забывал. Но прямых вопросов об отце не задавал. Спрашивал: «Пап-Миша, «Он» ничего тебе не написал?» «Отец» или «папа» не говорил. Всегда только «Он».

Михаил Васильевич отшучивался:

— Не провели еще к нашему колодцу «подводный телеграф». Не нашелся там у них капитан Немо!

Мальчишка на шутку не реагировал. Отходил и долго не показывался на глаза.

Вовка в то время пытался устроиться на работу и в по-

селке, и в Рязани. Но государственные предприятия одно за другим закрывались, а мелкие частные мастерские становились банкротами. Михаил Петрович понял, что не удержать ему парня дома. Так и случилось.

Подождал однажды Володька, пока мать уснет, поставил на стол две бутылки водки и сказал:

—Вот, батя, это все, что я могу купить здесь за свою дневную зарплату. А работать я, как ты знаешь, умею. Трубки на мебельном заводе я варил, машины чинил, грузчиком в торговом центре надрывался. А строить «хаузы» для бандюков не буду. Если ничего в своей жизни не изменю, в лучшем случае, женюсь, сопьюсь и нарожаю тебе кучу дефективных внуков.

В Сибирь, папа, поеду, и не просто за длинным рублем. Не хочу закидать на корню в молодые годы. Охота и себя показать и по разным странам поездить, мир повидать. Еду не на пустое место. Списался с моим корешем по армии. Он уже и о работе для меня договорился, и жить в первое время я буду у него.

Знаю, что ты меня поймешь, а вот мать, папа, подготовь сам, ладно? Хорошо хоть пацаненок у вас остается. Он вам скучать не даст. Ему, конечно, не позавидуешь: сирота при живых родителях. Но с тобой ему точно повезло. Меня даже зависть берет, когда подумаю, что тут кто-то без меня папкой тебя называть будет.

Так пили они, не пьянея, до утра, хотя двумя бутылками

не обошлись, имелся свой запас и у Михаила Петровича. Пили молча, только Володька иногда обнимал отца и плакал на его плече. А на рассвете встала Зина, и «подготавливать» ее не пришлось. Достала из буфета

третий стакан, села рядом и сказала вместо тоста: «И как мы без тебя, сЫночка...»

Приехать домой из своего далека Вовка смог только на второй год. Пробыл две недели. Привез в подарок родителям видеомэгнитофон и кучу дисков с фильмами, И про Тимку не забыл, накупил ему мультиков.

Обещал в следующий раз приобрести родителям компьютер, чтобы могли обмениваться с ним электронными письмами. А пока велел наведываться к своему дружку Паше, чтобы научиться пользоваться почтой. Для начала провел с семейством несколько практических занятий. Самым способным оказался восьмилетний Тимка. Но и батя – Михаил Петрович – не подкачал. Только Зинаида Васильевна, сколько ее не просили, так и не дотронулась до «мыши», которую упорно называла лягушкой.

От Антона вестей не было. Но на сберкнижку, открытую Антоном на имя Тимура, взносы поступали регулярно. И на запросы, регулярно посылаемые Михаилом Петровичем по оставленному Антоном адресу, отвечали, что «капитан первого ранга А. С. Трубников находится в плавании». Значит жив.

Для Рокотовых деньги, положенные на имя Тимки, были

большой суммой. Доверенность была оформлена и на имя Михаила, и на Зину. Но они на семейном совете решили денег оттуда не снимать, разве что проценты, если нужно было для Тимки.

— Дай Бог Антону здоровья, но кто знает, что там у них на флоте делается в нынешние времена. А если, как с «Курском»?!! А так, у ребенка, какие никакие, а будут подъемные. И для образования теперь одних способностей не хватает, за все нужно платить, – рассудила мудрая Зинаида Васильевна. – А прокормить и одеть Вовкиного братишку мы уж как-нибудь да сможем и без этих пособий.

И все-таки отсутствие вестей от самого Антона беспокоило всех.

И вот сейчас, в мае, когда Тимке шел десятый год, Михаилу Петровичу пришла повестка из Рязанского военкомата. Скрыть от Зины этот факт не удалось по той причине, что она сама в уведомлении и подписывалась. И почему-то сразу оба подумали об Антоне. Но друг другу стали говорить о военных бюрократах, мол, хлебом их не корми, дай лишний раз показать свою власть и побеспокоить пожилых людей из-за формальной проверки документов.

Покидать дом, хоть и ненадолго, именно в эти дни не хотелось. Очень болела Руна. Лежала недвижно в доме на старом кресле в нелепых ватных штанах, пошитых Зинаидой Васильевной из старого Вовкиного одеяла. От еды отказывалась. И только плачущему Тимке позволяла вливать ей в

рот крепкий куриный бульон чайными ложками. Несмотря на худобу, была она тяжелой, и потому выносить ее на улицу приходилось Михаилу Петровичу. По этой причине он выехал в город пораньше, чтобы засветло вернуться, «погулять» с собакой и поменять ей памперсы.

Сказал ему Гриша-военком, который приходился Михаилу дальним родственником, немного, но это был как раз тот случай, когда «слов мало, а мыслей много». Потому Кутику в оправдание поездки был показан военный билет в новой обложке, купленной в какой-то лавке на автовокзале. Мол, вызывали для чистой формальности – обновляли документы. А для Зинаиды, полученная от военкома информация была раз в десять разбавлена водой, а точнее – валерьяновым отваром. И все равно выходило плохо. Что в далеких водах с подводной лодкой приключилось, об этом, ясное дело Михаилу не докладывали, но, главное, сообщили, что Каперанг – жив и даже представлен к правительственной награде.

Объявив это, военком Григорий Иванович встал, сам проводил Михаила Петровича до дверей и, пожимая руку, прибавил: «Но, судя по всему, Миша, свояку твоему дорога до дома предстоит еще не близкая».

Неделю после этого у Михаила Петровича все валилось из рук, а Зинаида Васильевна тайком от мужа ходила в церковь и к местной гадалке. Батюшка благословил молиться Николаю угоднику и положиться на Волю Божию.

Что до гадалки, то опыта общения с командирами подводных лодок у нее не было. Потому, как она ни раскидывала свои карты, ложились они, как обычно: то к чертовой даме, то к казенному дому. И непонятно было, чем же, в конце-концов, успокоится капитанское сердце.

Михаил Петрович, видя, что внимание Тимки все без остатка отдано больной собаке, с суеверной благодарностью думал о Руне. Надо же, как будто собака давала ему, Михаилу, время, чтобы придумать, как сейчас разумно ответить на детский вопрос: «Почему ОН нам не пишет?». А ведь спросит обязательно. И с каждым годом, то, что скрывалось за этими словами, расшифровывалось все сложнее.

Вначале казалось, что он слышит, как Тимка испуганно кричит ему, Михаилу: «Этот человек не скоро придет? Он не заберет меня? Ты меня не отдашь?!»

Теперь, когда мальчишке пошел десятый год, отношение его к Трубникову изменилось. Того, что этот строгий дядька может появиться в его жизни в любой момент и увезти его с собой, только потому, что считается отцом, Тимка уже не боялся.

Он шестой год жил с папой-Мишей, тетей Зиной, которую называл просто «Зиной», и собакой Руной. У него был взрослый брат, который во всех своих электронных посланиях через Пашкин почтовый ящик писал из Сибири не только родителям, но и ему, своему двоюродному брату. И еще у него был друг Сенька Лозовой, приятели в школе и Венька

-лодочник со спасательной станции на Оке, который в свое дежурство позволял, иногда, сидеть на «банке*» рядом с собой и давал весло.

Нет, Тимка не рюкзак, который его отец, Антон Трубников, может, когда ему вздумается, подхватить на плечо и унести с собой. Но все чаще, обняв Руну, Тимка лежал на полу в своей комнате или в огороде, между пыльных кустов красной смородины, и ему было так печально, что будь он девчонкой, то, наверно дело бы дошло и до соплей. Он не мог понять, почему ему одновременно так не хочется зависеть от мрачного неразговорчивого человека каперанга Трубникова и в тоже время так больно знать, что этот человек в нем, Тимке, не нуждается. И пусть этот Антон Семенович Трубников приедет и хоть тысячу раз назовет Тимку «сынком», тот никогда не скажет ему в ответ – «отец» или «батя», как говорят некоторые парни, и, уж конечно, не назовет «папой». Пусть только приедет!

Другие проблемы были у Михаила Петровича. Он мучился тем, что мало видел Антона и почти ничего не успел узнать о нем. Ему очень хотелось хотя бы заочно познакомиться сына с отцом. Но вместо этого ему, как в школе, удавалось создать своими рассказами лишь портрет некоего «типичного представителя» всех отважных капитанов Военно-Морского флота России. Нечто среднее между индий-

ским принцем Даккаром, капитаном «Наутилуса», и отважными советскими подводниками времен войны с фашистами.

—Пап-Миша, а «Он» старше тебя? – спрашивал Тимка.

—Нет, конечно.

—Но он всегда мрачный, как старик, а ты смешной.

—Что значит «смешной», Кутик?! Веселый нужно сказать. И это тоже не так. Я – всякий. Знал бы ты, как я ругаюсь на стройке. А когда вы с Сенькой пошли без спросу на Оку, и я тебя отшлепал, я тоже был «смешной»?

—Хорошо. Ты разный, но чаще ты веселый и добрый. А Он всегда серьезный, как будто у него плохое настроение.

—Тима, мы видимся с тобой каждый день уже шесть лет, а твой отец приезжал к нам на неделю. Шесть лет и семь дней. Разницу чувствуешь? Твой отец просто не пустослов.

—А почему когда он ест, то всегда держит вилку в левой руке? Он что, левша?

—Потому что так положено по этикету, а он хорошо воспитан. Старшие офицеры-подводники считаются на Флоте элитой. У всех у них прекрасное образование и хорошее воспитание. Кстати, вспомни, как ели Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

—Так это когда было!

—Хорошие манеры и в 21 веке не отменяются.

—Значит мы все с плохими манерами? Ты, я...

—Не продолжай! Правду говоря, мы действительно поз-

воляем себе дома некоторые вольности, на которые подводники не имеют права.

—Почему?

—Только представь. В маленьком помещении, почти упираясь головой в потолок, сидит за столом десяток невоспитанных людей. Один ест правой рукой, другой – левой, невольно задевая соседа. Иной кладет на стол локти, тарелку чью-то опрокидывает. Найдется любитель чавкать или громко сморкаться в платок, не отходя от стола. Если ты находишься в такой компании долгими месяцами, ты просто свихнешься.

Вот вы с Сенькой и часа не проведете в комнате, чтобы не поссориться, все что-то делите. А моряки на подводной лодке не просто едят и спят. Они там работают с разными сложными механизмами и приборами. То есть должны быть очень собранными и внимательными. Несмотря на то, что им трудно дышать, запредельно жарко или холодно, рядом одни и те же лица, а над лодкой километры воды. А день у них ненормированный.

—Ну, и при чем здесь хорошие манеры?

—Они, Кутик, не позволяют человеку оскотиниться в трудных условиях. Вести себя так, чтобы не раздражать, а поддерживать друг друга. Говорят, что команду подводников не подбирают, как космический экипаж. Но после плавания, они просто как один человек. Понимают друг друга с полуслова.

У них ведь и победа – одна на всех, и гибель.

И еще там особое отношение к капитану. Ему иногда приходится решения принимать в секунды. Я уж не говорю про войну с немцами, когда лодка «видела» только через перископ, а слышала ушами акустика. Тогда все решали опыт и интуиция командира. Да и сейчас ребята говорили, никакая электроника чутье капитана не заменит. И как-то так получается, что каждый капитан у подводников – уникальная личность. Флот их знает пофамильно.

И отношение к ним у экипажа не формальное, а как к отцу в хорошей семье.

—А много во флоте подводных лодок?

—Хо-ороший вопрос! Только его командующему задавать нужно, а не такому «отставной козы барабанщику», как я. Но таких подводных крейсеров, каким Антон командует, наверное, немного. По-моему, есть какие-то договоренности международные насчет них. Там же ракеты, на некоторых – баллистические. Понимать нужно. А дизельных лодок, наверное, много. Кстати, на атомных лодках подводниками большая научная работа ведется на разных широтах. И нашими спецами, и английскими, и американскими. Они на больших глубинах бывают у полюсов, о многом первыми узнают.

—Да, Миша, – насмешливо заметила мужу Зинаида Васильевна, услышав его содержательную беседу с племянни-

ком. – Силен ты лекции читать про

Военно-Морской Флот! Особенно хорошо у тебя о семье получилось!

Ребенку сразу стало понятно, какое место он занимает в жизни родного отца.

Сколько там их на этом плавучем «Чернобыле»?

—Не знаю. Человек сто может быть.

—Ну вот. Капитан – отец для 100 своих моряков. Сын – на сто первом месте!

—Зин, ну если так сложилось! Ведь мы только и знаем, что Антон три звездочки на погонах носит и служба у него не сахар. Хоть этим я могу с его сыном поделиться, раз больше некому и нечего о нем сказать. Как иначе мне научить мальчика уважать отца...

—Памятник ты научишь уважать, а не человека...

—Ну, ты и скажешь! И вообще, относительно Антона это слово не употребляй! Накликаешь еще!

—Так я же не в этом смысле, Миша!

Михаил Петрович недовольно дернул головой, что было у него признаком крайнего недовольства. В данном случае собой.

И все-таки Михаил Петрович, продолжая свой план заинтересовать Тимку профессией отца, стал разыскивать на книжных полках домашней библиотеки книги о моряках и приносить в его комнату. Тут была и Вовкина любимая «Юн-

га со шхуны «Колумб», и рассказы Житкова, и Соболевские байки боцмана Кирдяги, и «Морская душа».

Тимка пролистывал книги, но большого интереса к ним не проявлял. Принцем Каспианом из «Нарнии», похоже, он увлекался гораздо больше. Зинаида Васильевна была права. От всех этих знаний об отважных моряках и капитанах, родной человек – отец Антон Трубников – ближе не становился. С упорством капитана Гаттераса, он все дальше удалялся от сына в область мифов и преданий.

И дней через десять это стало очевидным.

Зинаида Петровна вместе с Маней, которая была на четыре года старше Тимура, лепили в четыре руки вареники с творогом. Тесто делали по-особому – на воде с молоком, а потом раскатывали его тонко-тонко и вырезали кружочки старым тонкостенным бабушкиным стаканом. При этом предполагалось, что «учебные изделия» Маруся понесет домой. Потому Маня нет-нет да и перекладывала незаметно вареник- другой с подноса тети Зины на свою тарелку. Зинаида Васильевна замечала эту детскую хитрость, но вида не подавала. Посмеиваясь про себя, она вспоминала, что и сама так делала, когда училась лепить пирожки у бабушки.

С минуты на минуту должен был появиться Тимка, и Зинаида Васильевна все посматривала в сторону калитки. Наконец, в комнате стала негромко, но беспокойно лаять все

еще слабая Руна, и стало ясно, что скоро появится Тимур. И действительно, вскоре послышался топот, мальчишеские голоса, и мимо калитки промчался Тимка, который гнался за двумя парнишками, стараясь стукнуть их рюкзаком. Мальчишки ловко увертывались и противными голосами кричали «Маринеска!» «Маринеска!»

Зинаида Васильевна сейчас же выскочила на улицу и прекратила это безобразие, догнав племянника и насильно втащив его во двор.

—Тима, что это еще за представление? – спрашивала она, направляясь к дому и крепко держа мальчика за руку.

Тимка не отвечая, молча выкручивался, но, увидав на веранде Маню, швырнул в нее рюкзак, вывернулся и закричал:

— Вот эту дуру спроси! Пусть она тебе расскажет!

—Что?! – возмутилась Зинаида Васильевна, услышав такую неслыханную грубость. – Тимур! Сейчас же извинись перед Марусей! Сейчас же!

—Как же! Как же! Дождется! Раззвонила всем, будто бы я родственник Маринеску!

Прокричал и убежал в свою комнату.

—Маня, а ты, что скажешь? – требовательно спросила Зинаида Васильевна, крестницу.

— Тетя Зина, Маринеску – это знаменитый подводник. Нам про него рассказывал один ветеран. Бывший мичман. Он из Рязани к нам приезжал. Горбуновский... Горбунов... Я не помню. Он вообще про подводников рассказывал. Про

знаменитую подлодку «Пантера». И про капитана Маринеску, который очень много немецких кораблей потопил. Гитлер даже объявил его своим «личным врагом».

—Ну, а причем здесь твой двоюродный брат Тимур Трубников, объясни мне на милость?

— Сама не знаю, как это получилось. Когда он с нами прощался, я сказала этому ветерану, что у нас учится мальчик, у которого отец военный подводник и родственник этого Маринеску. И Тимура назвала. А то многие слышали, что отец Тимку бросил и удивляются, почему вы его усыновили, а он не Рокотов. Пусть все знают, какой у него знаменитый отец.

А Тимур ваш, между прочим, все слышал и промолчал. Ну, что он не родственник. А ветеран по голове его погладил.

— Я вообще не понимаю, что это за проблема с фамилиями. Тебя же не дразнят из-за того, что у вас с сестрой они разные. И ты ничего про своего родного отца не придумываешь и живешь спокойно, – возмутилась Зинаида Васильевна. – Зачем же ты Тимура поставила в такое неловкое положение. Учителя в школе знают, что отец Тимура не бросал, а живет его сын у нас, потому что в военном порту на Дальнем Востоке детям жить не разрешают из-за экологии! Какая же ты врунья!

— Напрасно Вы меня, тетя Зина, ругаете! Что, лучше, чтобы о его мамаше сплетничали? Пусть лучше об отце говорят, что он родственник знаменитого героя.

Со мной дело ясное. Моя мама просто второй раз замуж вышла. И, между прочим, удачно. А про Тимкину маму сами знаете, что рассказывают!

—Ах ты, негодница! – сорвалась Зинаида Васильевна.— Придется мне серьезно с твоей матерью поговорить. А Тимку оставь в покое. И мои вареники, которые ты без спросу взяла, положи обратно! Ты девочка взрослая, вот и общайся со своими однолетками. К нам с дядей Мишей приходи, когда захочешь, а в Тимкины дела нос не суй. У тебя – своя компания, у него – своя!

В этот вечер Тимка был хмурый, долго лежал на ковре, обняв Руну, и лег спать рано.

Зинаида Васильевна, подумав, решила вести себя с племянником, как обычно, но напомнила, что за грубое слово перед сестрой надо извиниться.

Мише своему она тоже вечером ничего не сказала. Дождалась, когда Тимка в школу уйдет, а муж – выспится.

Разговор был неприятный, а, главное, так и осталось непонятным, как вести с Тимкой разговор об отце и его родственниках.

—Ну что, что я могу рассказать пацану об Антоне, кроме того, что мужик он, что надо. Надька познакомилась с ним в Питере, там же они расписались и укатили к месту назначения. Написала с дороги, что до нее женат он не был, что все свои академии закончил с отличием. Потом фотографию

прислала, где они с Тимкой втроем. И сама же себя с той карточки отрезала, когда в Канаду отбыла.

Из Антона тоже слова не вытянешь. Знаю, что родителей потерял подростком, и после этого вся его жизнь прошла в казарме. Вначале в Нахимовской, потом в училище и Академии. Может потому он такой закрытый. Но помнишь, когда приезжал его товарищ с посылкой, как он об Антоне рассказывал?

Капитан, дескать, когда они в доке стояли на ремонте, и пеленки сыну стирал, и кормил из соски, и по ночам сам к нему вставал. Это, кстати, на Надьку нашу очень похоже. Ее и раньше никаким будильником было не поднять. Потому Антон помощницу ей нашел, когда стал в море уходить.

Говорил я ему, с любой оказией передавай мальчишке своему хоть письмо, хоть открытку и обязательно в конце – твой папа. Правда, тогда, он надеялся через месяц-другой возвратиться. Я еще волновался, не засунул бы Антон по возвращению сына в какую-нибудь кадетскую казарму. Хотя, слышал, туда после девятого класса теперь берут. А думать нужно было о другом: поскорее бы вернулся Антон из своего похода живым и здоровым. Что там у них произошло, отчего Гриша ничего об этом не мог сказать – Бог его знает. Вот и объясни это ребенку, чтобы не испугать, и чтобы на отца не обижался.

Разумеется, нехорошо, что он промолчал, когда Маруся

его родственником знаменитого подводника назначила. Надолго теперь эта «маринеска» к нему пристала. Но что ему было делать, если, кроме фамилии, он ничего о своем отце не знает. Вот и побоялся, что будут расспрашивать. Но теперь ведь еще больше будут приставать. Как-то надо помочь ему все на свои места расставить.

А на Марусю не злись. Тоже еще ребенок. А тут еще о Надежде сплетен всяких наслушалась. От твоей родни, между прочим.

—Миша, ну что я могу? «На всякий роток не накинешь платок»!

Приближались летние каникулы. Для мальчишек время веселое и беззаботное, а для Михаила Петровича – страдная пора. Его последний заказчик, Vip – персона, которому он со своей бригадой строил не то царский терем, не то – средневековый замок, торопил во всю. А тут еще вечное Тимкино озорство.

На «последнем звонке» Сенька и Тимка умудрились спрятать школьный колокольчик и вручить первоклашке ботало для коровы. Девочку должен был нести на руках выпускник, с которым у мальчишек были свои счеты. Он гонял их с тарзанки.

Злоумышленников быстро нашли и под конвоем трудовика отправили в приемную директора, где их сторожила до

конца торжества недовольная секретарша.

Директор потом кричал, что это не просто детская шалость. Это сознательный срыв многолетней школьной традиции! Классная руководительница Вера Павловна с пунцовыми пятнами на лице и шее согласно кивала головой, но потом говорила, что дети, безусловно, этого не хотели. Вероятно, они думали, что так последний звонок будет звучать громче.

— Да, мальчики? — спрашивала она у малолетних нарушителей школьного порядка, которые стояли молча, опустив головы.

Наконец был вынесен окончательный приговор: обоим «преступников» лишить поездки в Дом-музей их знаменитого земляка поэта Сергея Есенина. Вместо этого обязать провести генеральную уборку в своем классе.

Домой в свой последний рабочий день Тимка и его друг возвращались под конвоем Сенькиной матери и трудовика. Вначале их провели к Зинаиде Васильевне, где мальчишки полчаса слушали, что думают об их поведении обе женщины. Потом каждый получил свою индивидуальную порцию нотаций у себя в доме от Сенькиного отца и Михаила Петровича.. Но мотив их «ужасного» поступка, увы, так и остался для взрослых непонятным.

На следующий день, когда Тимка и Сенька возвращались домой, после того, как отодрали жвачку, прилепленную к разнообразным поверхностям двадцати восьми столов и по-

мыли пол в классе, настроение у них было скверное.

—Ты че? Переживаешь, что тебя на экскурсию не берут? Забей! Я так даже этому рад. Мне не в кайф ходить с выводком наших гусынь за какой-нибудь теткой с указкой и строить морду, будто я жить без стишков не могу, – заметил Сенька.

—Не-е. А мне хотелось, – вздохнул Тимка. – Вовка наш Есенина очень любит. Он в Константиновку ездил с друзьями после дембеля. Они на берегу реки всю ночь у костра провели, стихи читали, песню про клен пели. У нас кассета есть. Зина иногда поставит ее и подпевает, когда там поют. У Вовки голос очень хороший, громкий, его лучше всех слышно. Зина говорит: «Вот и попела я с сыночком». Скучает она по нему. И меня часто зовет: «Вовка! Вовка!» Я ее даже не поправляю.

—Слушай, а давай и ты с нами в Крым поедешь, в православный скаутский лагерь. Там ребята из разных стран собираются. Я попрошу мать, она устроит. От нашего прихода отец Максим поедет. Он нам уже туристские рюкзаки закупил и палатки, а спальники сами должны достать.

—А кто туда из нашего поселка поедет?

—Две девчонки и парень из воскресной школы. Ну, и меня возьмут. Мамаша помогает полы мыть в церкви и все такое. И потом считается, что туда берут только из неблагополучных семей, и я как раз подхожу.

—Почему это ты подходишь?!!

—Отец пьет. Без работы часто. Вот почему. А в Крыму прикольно.

Ну, ты как, отпросишься у своих? Тетю Зину отец Максим знает. Мать говорит, она к нему на исповедь и причастие приходит.

Тимка долго не отвечал. Потом вдруг спросил:

—Сень... а ты это... веришь в Бога?

—Ну, да! Так мы же с тобой вместе куличи святим и на крашенках дерем.

—Нет, я не о том. А чтобы по серьезному. Молиться и вот верить, что Бог тебя слышит.

—Я, когда на Пасху и Рождество с матерью в церковь хожу, «Отче наш» со всеми читаю и Символ веры, – ответил Сенька и добавил неуверенно:

— Только всю службу я выстоять не могу. Я свечи люблю, которые уже маленькие, тушить и снимать их, чтобы место новым было. Мать сердится, а отец Максим – нет. Если не стойт, он разрешает выйти в церковный дворик, а потом опять зайти.

—А я, когда маленький был, очень Голгофы испугался, там как раз покойника отпевали. И заболел. Так после того я в церковь только куличи хожу святить, – сказал Тимка серьезно. – Папа-Миша говорит: «Нечего Тимку в церковь таскать стекло облизывать. Евангелие – отдельно, попы- отдельно». Зина на него сердится, один раз заплакала. А детскую Библию я давно с ним прочитал. Только очень страшно, как

они Иисуса гвоздями на крест... а потом еще копьём... Мне его жалко.

—Во дурной! – засмеялся Сенька. – Это же Христос **по своей воле** *всехние* грехи искупал, которые раньше были от первых людей.. Ты все грехи знаешь?

—Нет, наверное, а ты?

—Мать заставила выучить. Ну, про «не укради», «не убий» – все понятно. Но вот, например, как тебе почитать своих родителей, если они тебя оставили, я не знаю.

—Никто меня не оставлял, – рассердился Тимур. – У меня папа-Миша и Зина – крестные родители. А в лагерь твой я ехать не собираюсь. Мне и здесь интересно. Мы на рыбалку будем ходить, а потом папа-Миша отгулы возьмет, и мы в Москву поедем, Кремль смотреть, музеи разные.

—Ну, и сколько ты в этой Москве будешь – неделю? А мы, может, на целый месяц уедем. И все равно ты из неблагополучной семьи, потому что крестные не считаются, – распалился Сенька. – У меня они тоже есть. И папа-Миша твой тоже бухает на стройке, так что от моего папаши недалеко ушел. Не буксуй, Тимка, соглашайся! А то, если твой подводник не придет, тебя органы опеки запросто в детский дом сдадут и не спросят. Тебе ко-огда еще десять будет. И моря ты не увидишь. А твой папа-Миша один будет красноперок из Оки таскать!

—Кончай грузить, Сенька! Сказал не поеду! А еще раз про папу-Мишу что-нибудь вякнешь, я тебя сделаю, так и знай!

—Ты меня сделаешь?!!

— Я!!

—Облажаешься, Маринеска!

И мальчишки двинулись друг на друга. Первым толкнул приятеля Тимка, а через минуту они уже катались на пыльном придорожном спорыше. И разбежались только после того, как из соседнего двора выскочил дядька с метлой и стал тыкать в них ее прутьями.

Домой Тимка вернулся, стараясь не привлекать к себе внимания Зины. Калиткой не скрипнул, дверью не хлопнул и ужом проскользнул в свою комнату. Руна, которая дремала в кресле, отданном ей в вечное пользование, приподняла голову и слегка вильнула хвостом. А еще зимой, она задолго до его прихода начинала, беспокойно повизгивая, метаться по комнатам, вертеть хвостом, а потом мчалась Тимке навстречу с тапочками в зубах.

Сбросив на ходу испачканную футболку, Тимка опустился перед креслом на колени и зарылся головой в жесткую каштановую шерсть, утратившую во время болезни свой блеск. Умная собака, сделав усилие, дотянулась языком до заревавшего мальчишеского лица и стала лизать его, лаская и утешая.

—Миш, с Тимкой что-то не то. Сидит дома, с Руной возится. Правда и мне помогает. Бурьяна вчера повыдергал це-

люю кучу. На велике только в магазин раза два смотался, вот и все катание. И доска эта так и висит в сарае, как после школы он ее повесил.

—Скэйт?

—Ну! И Сенька к нам не приходит.

—Из-за экскурсии, может, переживает. Так это нормально. Получил, что сам заслужил. Может, и с Сенькой из-за этого они поссорились.

—Нет, Миша, что-то здесь посерьезней! И когда вы уж этот «Хаус» закончите. Ни днем, ни ночью дома тебя нет. С ребенком времени не найдешь поговорить!

Но знаешь, что меня пугает больше всего, он вроде бы боится твоего прихода. А вчера вдруг спрашивает, чем алкоголь от пьяницы отличается.

—А ты?

—Что я? Сказала, чтобы у тебя спросил. А он посмотрел на меня как-то испуганно и замолчал.

Между тем Руна слабела с каждым днем. Зинаида Васильевна делала ей обезболивающие уколы, но все равно видно было, что собака страдает. Старый ветврач, знавший Руну еще беззаботным щенком, осмотрев ее в очередной раз, сказал, вздохнув:

—Решайте, Миша: или Руна еще месяц промучается, или я ее усыплю, и она уйдет спокойно. Я могу забрать ее в кли-

нику, чтобы не травмировать мальчика.

— Да-да, Тимке не нужно ничего знать. Он вообще сейчас сам на себя не похож. От Руны не отходит. И главное ничем его не отвлечешь и не успокоишь. А вчера устроил здесь целое представление. Ко мне мой старый друг пришел, Степан Ефимович. Мы на заводе когда-то работали, и уже лет пять, как не виделись. Зина стол накрыла, как полагается. Вино из черноплодки поставила, закуску там всякую, Степа «Столичную» принес. Я Тимку стал звать, а его не знаю уж, какая муха укусила. «Зачем, говорит, ты с алкоголиками дружишь? Я с ним за стол не сяду, а водку пойду сейчас и выброшу» Ну, пришлось его... гм, укоротить. Так Вы думаете, он потом пришел в себя и прощения попросил? Нет. Лег спать голодным. А на меня уже второй день волчонком глядит. Небывалое дело. И что удивительно, Степан человек, конечно, без особого достатка, но выглядит для своего возраста и положения вполне прилично. С чего этот мальчишка взял, что он алкоголик, ума не приложу.

Дня через два тайно от Тимура уговорили Клару повести детей в кино на «Принца Каспиана» и попросили задержаться в городе подольше.

Руна, как будто чувствуя, что видит мальчика в последний раз, сползла с кресла и проводила Тимку до порога.

— Ей лучше, да?— обнимая собаку за шею, говорил Тима.— Ну, правда же лучше?!

Михаил Петрович не осмелился ничего ответить, а бедная Зинаида Васильевна тихо рыдала в кухне, прикрывая рот рукой.

Когда Тимка, переполненный впечатлениями от кинофильма и городской прогулки, возвратился домой, Руна лежала в «Плезире» в аккуратно сколоченном ящике на своей обычной подстилке и, казалось, спокойно спала. Рядом, как в почетном карауле, стояли Михаил Петрович и Зинаида Васильевна. Каждый из них был готов при появлении первой же Тимкиной слезинки броситься к нему со словами утешения. Но этого не понадобилось.

Тимка бледный, с неожиданно темными и большими прямо в пол лица глазами недолго постоял над Руной, держась руками за край ящика. А потом, не поворачиваясь, спиной вперед спустился со ступенек и побежал в дом. Папа-Миша нашел его свернувшимся калачиком на кровати. Ни на какие слова утешения он не отзывался. Михаил Петрович накрыл его пледом и ушел только тогда, когда убедился, что мальчик заснул.

Тимка спал долго, почти до следующего полудня, так что Руну похоронили без него в конце огорода за старыми вишнями.

Проснувшись, мальчик ни о чем расспрашивать не стал и весь день провел, не выходя из дома.

На третий день на обозримом горизонте появился Арсений Лозовой.

Он раза три прокатился на велосипеде мимо калитки соседей, но головы в сторону их двора не повернул.

Зинаида Васильевна аккуратно ссыпала нашинкованную капусту с разделочной доски в кастрюлю с будущим борщом, вытерла руки о фартук и вышла на крыльцо.

—Сеня! – позвала она Лозового-младшего, прикрывая рукой глаза, еще слезящиеся от толченого с салом чеснока. Борщ был настоящий украинский и варился по всем правилам.

Сенька проехал мимо еще раз, но через пару метров спустил ноги на землю и попятился назад.

—Здравствуйте, тетя Зина!

—Здравствуй, здравствуй и давай заезжай во двор. Руны у нас не стало, так поддержал бы ты Тимку. А велосипед оставь. Не выходит твой дружок на улицу. Переживает.

Сенька просить себя не заставил. Завел велосипед во двор, прислонил к забору и, присев на крыльце, стащил с ног кроссовки.

Тимка лежал поперек дивана ногами к стене, нависая над ковром. Перед ним выстроилась целая армия из оловянных солдатиков, неизвестно какой армии. Часть их была в нашей военной форме, часть – в американском камуфляже. Было даже два наших матроса. Один держал в поднятых руках флажки с неизвестными полу стертými знаками, другой стоял на одном колене и целился в кого-то из автомата.

Перед армией под стулом, открыв зубастые пасти, сгрудил-

лись резиновые динозавры. В руке у Тимки был зажат индеец с томагавком, которого он собирался поставить для укрепления правого фланга.

—Привет! – сказал Сенька и сел на диван, зажав коленями сложенные ладошки.

—Хау! – ответил Тимка, повернувшись на бок к нему лицом. – Руны... это... не стало.

—Сама или усыпили?

Тимка спустил ноги на пол. Сел, опершись руками о диван и опустив голову.

—Ей больно было. Я чувствовал.

—Понятки. А где...

— Зина сказала за вишнями. Я не ходил.

—Пошли?

Холмик был невысокий узкий, но довольно длинный.

—Слышь, Тим! Давай здесь какой-нибудь знак поставим.

Тимур обошел вокруг холмика, нагнулся, отбросил в сторону упавшую с вишни сухую ветку.

—Дощечку нужно на палке укрепить. И написать, – резко выпрямляясь, сказал он вдруг. – Побежали в сарай!

Когда Зинаида Васильевна пришла поглядеть, чем занимаются мальчишки на огороде, памятник Руне уже был установлен. Михаил Петрович пришел поздно, когда Тимка спал. Но, услышав о том, что смастерили ребята, не поленился, взял фонарь и пошел в огород.

—Пусть пока так и остается, – сказал он жене, возвратившись, – а потом я подправлю. Хорошие все-таки пацаны, и руки, вроде, растут, откуда надо. А знаешь, Вовка ведь тоже переживать будет. Надо все это сооружение сфотографировать и ему через Пашкину почту передать. Завтра же все сделаю, не буду откладывать.

Но не успел Михаил Петрович получить готовые фотографии, как Павел сам позвонил и попросил его прийти. Сказал, что есть весточка от Володи.

Возвратился Михаил Петрович от Пашки с загадочным лицом и на нетерпеливое « ну, что там?» уклончиво отвечал:

—Ты, Зинуша, сперва меня, как в сказке, напои, накорми, приголубь, а потом и расспрашивай.

—В сказке?! – шутливо сердясь, замахнулась на него жена кухонным полотенцем. – В твоём любимом фильме про Жеглова такие слова бандит своей подружке писал! Говори сейчас же, Мишка, что нам Вова написал!

—А то, драгоценная моя, – тут Михаил Петрович обнял свою Зинушу и закрутил ее по комнате, – что приедет наш сын домой в августе. И не один!

Зинаида Васильевна, которая была на пол головы выше мужа, легкомысленное кручение тотчас же прекратила, усадила Михаила Петровича на диван и сама рядом пристроилась.

—Приедет? А на сколько? И с кем?

—На десять дней с подругой!

—С невестой что ли?

—Написано «с подругой», а ты понимай, как хочешь. Может уже и с гражданской женой.

—И больше ничего?

—Нет, отчего же. Картошку обещал помочь выкопать.

—Мишка, отвечай серьезно!

—Ну, точно! Было там про картошку! И приветы всем. Тимке, Клариному семейству, любимой учительнице.

—Так у нас той синеглазки всего две грядки! Какая ж нам помощь требуется?!

—Ну, пошутил парень, что ты раскудахталась!

—Миш! А, может, они и ребенка уже ждут?

—С подругой?! Успокойся!

—Я и не волнуюсь. Тима уже большой. Если бы мы младенчика оставили у себя, ему было бы веселее. Опять же климат у нас лучше, и огород свой, хотя, конечно, и маленький.

—Размечталась! Они теперь своих ребят в рюкзаках носят и нигде с ними не расстаются. По всему свету путешествуют. Ламу какую-нибудь схватят, подоят в бутылку, сверху соску – и младенцу в роток!!

Михаил Петрович обнял жену и крепко поцеловал в покрасневшую от волнения щеку.

—Вот язык без костей! – сказала Зинаида Васильевна в сердцах, освободилась от объятий и отправилась в кухню мечтать о том, как встретит сына, и представлять, что же за подругу он привезет домой.

А Михаил Петрович с дивана не поднялся, устроился удобней и тоже стал думать о встрече с сыном. Вовка появился у них, когда им с Зиной не было и двадцати. Живы были и его родители и Зинушина мама. Собственно, первые годы Володя рос у них на руках, потому что молодые родители работали на заводе и учились в вечернем техникуме. Одна дорога в Город забирала три часа в сутки. А потом Михаила забрали в армию. Вот где он затосковал по жене и сыну, и понял, что помнит приедетого Вовку рядом с собой только на каком-нибудь семейном празднике или на представлении Цирка-шапито да еще на Новомодном утреннике в заводском клубе. Вот и все его участие в воспитании сына.

Зина, та хоть в какую-то гимнастическую секцию умудрялась его водить и следила, чтобы был одет и обут, как полагается. Даже в Москву ездила с Кларой за джинсами и еще каким-то дефицитом.

Демобилизовавшись, Михаил с тревогой ожидал встречи, прежде всего, с... сыном. А тот, худой и стриженный под машинку, сразу же подошел и прогудел хрипловатым детским баском: «Папка, дашь ремень и пилотку? Я пойду пацанам покажусь». И все. Помощник и друг на всю оставшуюся жизнь. А как получилось – не понять. А что, если бы как у Тимки с Антоном?

В школе Володька бузил, конечно, много. Так что проблем с ним хватало. Но чтобы он соврал или свою вину на кого-нибудь свалил – никогда!

С крыши на самодельном парашюте прыгал, в седьмом классе на спор с приятелями ходил плавать на Иордань в лютый мороз, яблони с дружками обносил у бывшего участкового Пучкова. В восьмом специально принес в класс вороненка, как в фильме с артистом Тихоновым, чтобы проверить реакцию на такое нарушение дисциплины пожилой одинокой «англичанки». А та без крика забрала птенца к себе домой выхаживать, так что «до понедельника дожили спокойно». Вообще, кино было Володькиной слабостью, и он безбожно прогуливал уроки, только чтобы первым посмотреть какой-нибудь боевик. Но мог и читать запоем, и тогда по неделям не выходил из дому. Первой «жертвой» двенадцатилетнего книгочея пал «Мир приключений». Восемь толстых томов. Там было все, что надо: фантастика, приключения и «про шпионов»! Печатались там и вполне научные документальные очерки о географических открытиях и технических новинках.

В четырнадцать лет началось увлечение Стругацкими. До уроков ли было парню! Бедная Зина бегала в школу «на проработку» почти каждый день. Дома плакала. Михаил сотрясал воздух нравоучениями и угрозами непонятных наказаний. Вовка упрямо молчал и держался своего.

Однажды, устав от своих криков, Михаил сказал сыну нормальным голосом:

—Володя, я – мужик. Я не могу видеть, как Зина плачет.

Ошеломленный Вовка долго стоял столбом. Потом подошел, обнял отца сзади за шею и очень серьезно сказал:

—Батя... я понял. Школу я вытяну и мотать нервы матери не буду. Но вы тоже должны понять. Силком меня там ничему не научат. И в жизни я буду заниматься только тем, чем сам захочу. А то, что после школы «захребетником» я не стану, ты и сам знаешь. Твоя порода.

Было тогда Володьке пятнадцать лет. И слово свое он сдержал. До экзаменов на аттестат уроков не прогуливал, дисциплину по крупному не нарушал и двоек в дневнике не таскал. Пятерки имел по литературе, географии и истории. Изредка остро интересовался физикой.

Вот сейчас приедет и принесет с собой праздник. Не только им с Зиной. Во многих домах встретят его с радостью. Он ведь всегда был быстрым на сочувствие и помощь. А как так получилось – не понять. Гены? Воспитание? Так его, вроде, и не было. Просто жили вместе и друг друга уважали. И еще радости много было в отношениях, так что ли. Вовка, если увидит мать с тяжелыми сумками, любую возню с пацанами бросит, кинется помогать. Но и они с Зиной, если Вовке надо срочно костюм маскарадный сделать – рыцаря в доспехах или там мушкетера – ночей не доспят, но помогут. И Вовкиного восторга на всех троих хватало...

Недели через две после смерти Руны, когда Тимка торопился из магазина домой с пакетом муки и молоком, потому

что Зинаида Васильевна затевала пироги, ему повстречался Вовкин друг Павел Кружилин, по уличному Пашка- Матрица.

—Тимка! – позвал он Тимура.— Мне Маруся сказала, что твой батя объявился. Ты «К-19» с Фордом смотрел?

—Привет, Паша! Не-а, не смотрел.

—У меня диск есть. Не лицензионный, но неплохой. Там только в одном месте изображение плывет. Если хочешь – приходи, поставлю.

—А с Сенькой можно?

—Можно. Только, чтоб не бзить. У нас бабка хворает. Сеструху тоже позови, а то обиды не оберешься. Хорошая язва кому-то достанется!

—А когда приходиться?

—Хоть сегодня после часа, если тетя Зина отпустит. Между прочим, ты не очень трещи, про что фильм. Может и не разрешить.

—А про что он?

—Вот лох! О нашей атомной подлодке, у которой авария с реактором случилась возле американской базы. Вполне все могло атомной войной закончиться.

Фильм смотрели втроем: Тимка, Арсений и Маруся. Пашка в той же комнате возился со старым процессором. В поселке среди программистов и продвинутых пользователей он был признанным спецом «по железу», и вечно возился с

чужими компьютерами. Кому-то ремонтировал бесплатно, а кому-то за деньги. Пашкины родители с сестрой жили в Рязани, а он «досматривал» бабушку Нюсю, и жилось им трудно. Но Павел не жаловался. Он в этом доме вырос, свою бабушку очень любил и называл «королева-мать» .

Тимке достался высокий табурет. Если сидеть нормально, то ноги у него до пола не доставали. Потому он сидел на самом краю, за который держался руками. Маруся взяла стул, а Сенька – маленькую скамеечку.

Пашка работал и искоса посматривал на своих гостей. Тимка все три часа просидел, вытянувшись в струну. Сенька вскоре перенес скамеечку поближе к Павлу и больше смотрел на то, что тот делает с паяльником, чем на экран. А Маруся, увидав, как с черными лицами выползали из аварийного реакторного отсека моряки и их рвало сразу же за порогом, просто-таки испарилась из комнаты.

—Ну, как впечатление, пацаны? – спросил Павел, вынимая диск.

—Расшибись! Никогда бы не подумал, что Индиана* так может нашего капитана сыграть! – выпалил Сенька.

—А ты, что скажешь, Тимка?

Тима сполз с табурета и стал растирать затекшие ноги.

—Паша, – спросил он после небольшой паузы, – а почему они сразу такими больными стали? Ну, моряки, которые делали ремонт реактора. На них же были защитные костюмы. И что они там делали с какими-то трубками.

—Вообще-то тут у американцев небольшой перебор со спецэффектами. Насколько я знаю, признаки острого лучевого поражения появляются не сразу. Но, в общем, все правильно. А костюмы эти – одна видимость. Это же первая авария с реактором. Никто еще не знал, как защищаться от радиации. А варили матросы трубы системы охлаждения. Из-за ее неисправности все и произошло.

—И все они погибли?!!

—Те, что у реактора побывали – да.

—А остальные?

—По-разному. Человек двадцать не стало через год-два. Другие выжили.

—А сейчас тоже бывают такие аварии?

—Ну, такие не такие, а бывают. За последние десять лет семь лодок с экипажем на дно легли. На глубине трех-четырех километров. Две американские, остальные – наши.

—Откуда ты это знаешь? Разве это не военная тайна?

—Проснись, пацан, ты живешь в век информационного бума. Полазь по сети, еще не то узнаешь. Вовка приедет, купит вам компьютер – и добро пожаловать в Интернет. А может и папаша твой расщедрится. Маруся говорила, ждете вы его.

На этот вопрос Тимка не ответил, а продолжал расспрашивать.

—Паш, а долго они могут плавать, ну... сами по себе.

—Без берега? Два-три месяца – это обычное плавание, а

так и год могут.

—А как же воздух?!!

—Во-первых, они могут всплывать. Во-вторых, если долго находятся в автономке на глубине, сами составляют газовую смесь для дыхания. Кислород, между прочим, из воды получают. А знаешь, сколько у них защитных оболочек?

Оглушенный всем увиденным и услышанным, Тимка покачал головой.

—Пять! Наружная оболочка специально, чтобы звуки поглощать, и еще четыре из титана.

От Павла Тимка вернулся задумчивым и после ужина лег спать без всяких уговоров, не дождавшись припозднившегося на стройке Михаила Петровича.

Зинаида Васильевна забеспокоилась, потрогала Тимкин лоб. Потом спросила, не болит ли у него живот и не поссорились ли они с Сенькой. На все ее расспросы Тимка отрицательно качал головой.

Михаил Петрович, озабоченный рассказом жены, перехватил ночью племянника по дороге из туалета, спросил, все ли у того в порядке, и на руках отнес в детскую.

Утром Михаил Петрович ушел из дома до того, как Тимка встал, а придя с работы, сразу же спросил, как там Тимур. Зинаида Васильевна успокоила:

—Как всегда. Скакали с Сенькой по двору на одной ноге, кто кого «перескачет». «Консенсуса» по этому вопросу

не достигли и подрались. Пришлось отхаживать их полотенцем. После этого стреляли из арбалета в твой старый соломенный «брыль». Шляпа отделалась легким испугом. А вот горшок с геранью, который я в Плезир вынесла, получил ранение средней тяжести.

Немного погодя, когда уставший Миша- бригадир в ожидании ужина задремал на диване в гостиной, из кухни выглянула Зинаида Васильевна и рассерженно окликнула мужа:

—Миша! Ты что – не слышишь? Телефон звонит! А у меня руки в муке!

Михаил Петрович неохотно потянулся к трубке.

—Квартира Рокотовых? Михаил, ты? – раздался в трубке глуховатый спокойный голос.

Михаила Петровича как током ударило.

—Антон?!!!

—Так точно. Здравствуй, Миша!

—Здравствуй, здравствуй, дорогой! Ты где? Когда приедешь?

На том конце провода тихонько рассмеялись.

—Значит, ждал бродягу? В Москве я. Если уговорю своих медицинских генералов, то ждите меня на этой неделе. Как Зина? Володя?

Откашлялся.

Тимка здоров?

—Тимка такой еще парень! Чуть ли не с меня ростом. Ждет тебя. Мы все заждались! А Вовка в Сургуте, бурит веч-

ную мерзлоту.

— Миша, я позвоню перед приездом. А тебе нужно что-нибудь из Москвы привезти? Может инструменты какие-нибудь? И Зине.

—Ничего не надо, Антон. Только приезжай!

—Тогда всем привет и до встречи!

Михаил Петрович долго еще держал в руке трубку, из которой раздавались короткие гудки.

—Миша, – заглянула в дверь Зинаида Васильевна, – это не Клара звонила?

—Антон в Москве...

— Да ну! А к нам когда?

—Не знаю. Тимку нужно как-то подготовить, – сказал растерянно. – А где он сейчас?

—На великах с Арсением катаются. Через час обещали вернуться.

Михаил Петрович тяжело поднялся с дивана и отправился в свою мастерскую в сарайчике, чтобы занять работой руки. Так в одиночестве думалось ему лучше.

—Кутик, – сказал он Тимке, когда тот с влажными после душа кудряшками устраивался у ночника в третий раз перечитывать любимую повесть Кервуда о приключениях медвежонка и щенка в Канадской тайге.

—Кутик, ты знаешь, что Вовка осенью приедет?

— Не осенью, а в конце лета. Август еще летний месяц. Знаю. Вот весело будет!

— Ладно, грамотей. А еще раньше, на этой неделе приедет твой отец. Звонил он сегодня из Москвы.

Тимка опустил тяжелую книгу на одеяло и испуганно взглянул на папу-Мишу.

— Зачем?!!

— О чем ты, Кутик? Он к родным людям едет! Это же радость большая и для нас, и для него!

— Только не для меня! Не приезжал, не приезжал и вдруг объявляется!

— Тима, у них на лодке была большая авария. Мне в военкомате сообщили, но просили до возвращения Антона никому об этом не рассказывать.

— И Вове?

— И ему. Лодку и экипаж Антон спас. Его даже наградили за это. Но многим пришлось долго лечиться. И Антону. Может неправильно, что я, на ночь глядя, тебе об этом говорю, только, я думаю, вдруг отец завтра приедет, а ты ничего знать не будешь. А ему сейчас помощь от нас нужна. Он же атомной лодкой командует, если там авария – это же чрезвычайное происшествие... как там они говорят... «для всего шарика». Для Земли, то есть. Представляешь, сколько ему пришлось пережить?!

— А зачем ему эта подводная лодка?! Путешествовал бы на корабле! А если под водой, то, как Кусто!

—Он военный человек, Тима! Он присягу приносил Родину защищать! Его дело приказы командования выполнять любой ценой. Он собой не распоряжается. Конечно, как Кусто, было бы лучше, но у Антона жизнь сложилась иначе. И я тебе так скажу: редкому человеку такая судьба по плечу. ...

Тимка встал на колени и ладошками закрыл Михаилу Петровичу рот.

—Пап-Миша, не надо! У нас каждое первое сентября День Родины! Только, когда эта война была! Теперь у нас мир! И знай, если он приедет, и ты меня отдашь, — я убегу!

Михаил Петрович отвел Тимкины руки от своего лица.

—Антон болен, Тимур! И кроме нас с тобой у него на свете никого нет! А если он... (тут Михаил Петрович хотел сказать о том, что капитан Трубников возможно приехал увидеться с сыном в последний раз, но осекся).

— Ты совсем не помнишь отца?

Тимка глубоко и коротко вздохнул:

—Почему же? Помню. Но тот был другой. Он все время смеялся. И руки у него были... ну, как твои. Мама ему говорила: «Ты бы хоть руки помыл». Он что-то отвечал и опять смеялся.

—Значит, и маму ты помнишь?

Тимка только плечами пожал.

—Смутно. Помню, как сюда приехали, и я вцепился в нее — Руну испугался. Потом она мне сказала: «Храбрый Утенок Тим, ты на меня не сердись и не жди. За тобой папа приедет».

Но я ждал. Только это давно было. А теперь мне все равно. Я Зину люблю и тебя, а больше никого. И Вовку.

Тимка сглотнул, лег на спину.

— У нее родинка на щеке была. Я ее все время прогнать хотел. Думал – букашка. Она этого не любила. Представляешь, лицо забыл, а родинку помню. Я знаю, что она в Канаде живет, и у нее все хорошо. Мне Маруся рассказала.

— Но отец же приехал!

— Ну, да. «Обещанного три года ждут»! И где он теперь? Нужен я ему!

Папа-Миша ничего не ответил, сидел молча, опустив голову.

— Значит, не веришь, что не просто так он вестей о себе не подавал?— после паузы печально сказал Михаил Петрович, скрестив коротковатые ноги и поудобней устраиваясь на Тимкиной постели. Потом продолжил:

— А ты можешь представить на его месте меня?! Ты думаешь, не рвется он к тебе, как я рвался бы к Вовке?

— Знаю, знаю, о чем это ты. Так вот я не представляю Его на твоём месте и все! Пап-Миша, ты лучше почитай мне ...

— Может другой раз?

Тимка положил на колени Михаила Петровича раскрытую книгу, сказал требовательно:

— Читай... вот здесь. Когда напали совы.

Папа-Миша вздохнул, открыл книгу и стал читать, постепенно увлекаясь сюжетом.

Еще через день, пассажиры серебристого «Лендровера» проезжали мимо Тимкиной школы и стали свидетелями, как пятеро верзил-старшекласников гонялись по школьному двору за тремя малышами, пытаясь что-то у них отобрать. Наконец одного, белобрысого, догнали. Он упал, защищая собой какой-то предмет. Его попытались поднять, но это никак не получалось. В результате образовалась куча-мала, оттуда слышался вопль сбитого с ног парнишки.

Машина остановилась. Из нее по-спортивному легко выскочили двое мужчин. Один, худощавый, постарше, был в костюме и белой рубашке без галстука, другой, моложе, – в джинсах и футболке. Оба легко перемахнули через ограду и быстро оттащили взрослых парней в сторону. Но белобрысый мальчишка продолжал лежать на земле и орать благим матом.

Мужчина в белой рубашке присел. Тронул его за плечо:

—Отбой! Окончено сражение! Давай поднимайся! Руки – ноги целы?

Мальчишка вначале поднял чумазую физиономию, с интересом осмотрел спасителей и только потом стал неловко подниматься, прижимая к животу, как оказалось, мяч для гандбола.

Взрослые ребята, далеко не отбежали, стояли полукругом. Один из них держал за ворот рубашки сероглазого, вихрастого паренька, из носа которого на разбитые губы текла

кровь. Мальчишка дернулся, вырвался из рук обидчика и, растирая кровь по лицу, сказал баском:

—У Борьки с ногой что-то!

Тут только все увидели, что за пределами круга катается по земле, держась за колено, рыжий веснушчатый мальчишка.

—Послушайте, – обратился к мужчинам один из взрослых парней. – Эти злыдни украли у нас мяч. Пусть отдадут, и мы их не тронем!

—Чей мяч? – требовательно спросил мужчина в белой рубашке. – Кто здесь главный любитель гандбола?

—Ну, мой, – нехотя ответил один из парней, демонстративно жуя жвачку и выпуская пузыри.

—Прекрати жевать! – взорвался мужчина. – Есть понимание, что разговариваешь со взрослым или нет?!

—Ну! – парень выдул еще пару пузырей и только потом сплюнул в траву.

—Какого...устроили тут бои без правил с малышами?

—Правила были! Были правила! – закричал белобрысый мальчишка. – Борька им пачку Marlboro принес. Так они дали подержать мяч пять минут и давай отнимать! А уговор был – на час! Тимка даже будильник принес – вон валяется!

—Решение такое! – сказал мужчина командирским тоном. – Мяч отдадим школьной охране. Тоже хороши. Стоят в дверях любят. Получите его у вашего директора. Все. Свободны!

И тут же стал осматривать Борькину ногу.

—Слава, иди сюда, – подозвал он товарища. – Скажи Сергачеву, чтоб подогнал машину к воротам. Я вынесу парня, и отвезем его в больницу.

Кто покажет дорогу?

—Я! – сказал сероглазый мальчуган.

—И я! – подхватил его дружок.

—Хорошо.

Мужчина подхватил на руки хныкающего Борьку и понес к машине.

Там он передал мальчика другу и рассадил остальных, а когда хотел сесть сам, кто-то тронул его за руку. Он оглянулся. Непонятно откуда появившаяся остроноса девочка-подросток сказала, загадочно глядя ему в глаза.

—Дяденька! Это не Ваш мальчик. Ваш – вон тот, которому нос разбили. Его и по голове сильно ударили, только он не скажет.

—Спасибо, Маруся! – засмеялся Антон Трубников, – Передавай маме привет. Очень ты стала на нее похожа, такая красивая и совсем взрослая. И не беспокойся, Тиму с Борей я не перепутал.

Ответил и сел рядом с водителем. Воспользовавшись тем, что он повернулся спиной, Тимка сделал свирепое лицо и погрозил кузине кулаком. В ответ Маруся показала ему язык и пошла в сторону магазина. Рыжий хвостик на ее затылке болтался в такт шлепкам материнских босоножек по детски

розовым пяткам.

В больнице хирург принялся осматривать Борькину ногу, а Антон попросил сестру «разобраться с остальными гладиаторами». Тимке приложили к шишке лед, а потом ему и Сеньке промыли перекисью все ссадины.

У Борьки ничего страшного не нашли. Хирург сказал, что у него просто сильный ушиб и, возможно, растяжение связок. Позвонили домой матери и попросили прийти для консультации.

Все это время Трубников обращался с Тимуром так же, как с остальными.

Поехали к дому Рокотовых. Сенька попрощался и, слегка подволакивая ногу, побежал к себе, а остальные вслед за Тимкой вошли во двор.

Не услышав лая, Антон вопросительно посмотрел на сына:

—Руна?..

—В прошлом месяце... Она болела очень.

На крыльцо вышла Зина, увидев гостей через кухонное окно.

—Антон!

Сошла с крыльца, вытирая руки о фартук, обняла Трубникова и вдруг заплакала.

—Ну, что ты, что ты, Зинуша! – приговаривал Антон, нежно беря ее за плечи. – Живы. Увиделись. Все хорошо...

Зинаида Васильевна коротко всхлипнула, притихла. Потом оторвалась от Трубникова, поздоровалась с гостями и стала приглашать всех в дом. Последним попался ей на глаза Тимка.

—Господи, Тима, ты хоть поздоровался с отцом?!

—Я с ним приехал... от школы, – уклонился Тимур от прямого ответа.

—А с лицом у тебя что?

—Мячом попало, – сказал Тимка и, проскользнув за спинами гостей, вытирающих на крыльце обувь, укрылся в своей комнате.

«Она еще о будильнике не знает», – подумал о будущих неприятностях мальчик. Закрыв за собой дверь и стал прислушиваться, что происходит в большой комнате. Кто-то, наверное, тот, кого Трубников назвал Славой, сказал: «Мы ненадолго, к сожалению, – служба!». Зинаида Васильевна стала их уговаривать подождать мужа и принялась звонить Михаилу Петровичу на мобильник.

Тимка побоялся стоять под дверью – вдруг кто-нибудь войдет. Сел за свой стол и надел наушники. Как будто его ничего не касалось, и Трубников навещался к ним каждый день. Тимка сидел и не музыку слушал, а думал с обидой: «Борьку так на руках нес, а мне и головой не кивнул!» И даже вздрогнул, когда Зинаида Васильевна тронула его за плечо.

—Тима, сынок, сбегай, пожалуйста, к Кларе и возьми у

нее хорошего чая – и черного, и зеленого. Гости наши от еды отказываются. Просят только напоить их чаем.

—А где они?

—В ванную пошли руки мыть. Сейчас Миша приедет.

Тимка неслышно проскользнул мимо ванной, бегом промчался через двор и перешел дорогу. До тети Клары было рукой подать – они жили на той же улице. «Только бы Маруся не увязалась», – думал он.

Клара Васильевна была дома и безо всяких расспросов передала сестре пакет с красивыми упаковками черного и зеленого китайского чая, которые ей, как общественнице, подарили в поселковой управе на день рождения. Маруся, разумеется, стала напрашиваться в гости, но тетя Клара строго сказала: «И думать не смей. Надо будет – позовут! Беги, Тимочка, и напомни Зине, чтобы обязательно большой заварочный чайник согрела и настояла чай ровно три минуты».

Когда Тимка возвратился, Трубников в кухне обнимался с папой-Мишей, а остальные гости уже расположились за столом.

Наконец, сел за стол и Антон, а Михаил Петрович, тяжело дыша, устроился чуть в стороне на табуретке, широко расставив короткие ноги в рабочих брюках, измазанных краской. От него сразу же резко запахло человеком, в прямом смысле слов зарабатывающим на хлеб насущный «в поте лица своего».

Круглая голова Михаила Петровича с глубокими залыси-

нами была влажной. Пот стекал с высокого лба на крупный обожженный солнцем нос и скатывался с его кончика прямо на грудь. Михаил Петрович достал из кармана большой клетчатый носовой платок и стал, как полотенцем после умывания, вытирать им голову и лицо.

Тимка вдруг покраснел, как будто его внезапно обдали горячей водой из шайки. Была с ним в бане однажды такая история, и закончилась она для «шутника» печально. Папа-Миша отхлестал здоровенного детину березовым веником, и тот весь в мыле выскочил в предбанник. Попробовал бы кто-то тогда сказать Тимке, что его папа-Миша – толстый лысоватый коротышка! Но ужас был в том, что сейчас в присутствии Трубникова и его спутников таким впервые в жизни видел его сам Тимур!

Мальчика охватило смятение. Он сердился на себя за свое неожиданное открытие, на самого Михаила Петровича за то, что тот дал повод ко всем этому, и на гостей, которые могли обо всем догадаться.

И потому Тимка не встал, как обычно у папы-Миши за спиной, не обнял за шею, не прижался к родному и верному плечу, а, наоборот, отодвинулся и отвел глаза.

Между тем Трубников и его спутники обменивались с Михаилом Петровичем какими-то обыденными фразами о погоде, дорогах, цене на бензин и не обращали на мальчика никакого внимания. Даже о событии на школьном дворе не было сказано ни слова.

Вскоре Зинаида Васильевна стала накрывать на стол, а Михаил Петрович извинился и направился в ванную приводить себя в порядок.

Он возвратился в свежей рубашке и спортивных брюках, но залысины, «пивной живот» и натруженные руки со вздувшимися венами и неистребимым трауром под ногтями оставались теми же. Нет, положительно назло Тимке, папа-Миша не желал превращаться в себя самого – родного человека, на которого никогда не приходит мысль «смотреть со стороны»!

На плите уже пыхтел пузатый металлический чайник, когда-то он свистел и потому получил прозвище «Боцман». Свистка в чайнике уже не было, но на кончике носика сохранился большой блестящий шарик, придающий «Боцману» сходство с завсегдатаями пивных баров.

—Тима, детка, – попросила Зинаида Васильевна, – помоги мне принести чашки из серванта. Ну, те, японские, которые Клара подарила.

Тимур вышел в гостиную, которую в поселке принято было называть «залой», встал перед сервантом, но чашек вынимать не стал, пока вслед за ним в комнате не появилась Зинаида Васильевна.

—Ну, что же ты! Я уже и пирог на стол поставила, и чай зеленый заварила. Доставай скорее чашки!

—Сами доставайте! – каким-то грубым чужим голосом ответил Тимур, круто развернулся и, едва не опрокинув сто-

ящий на пути стул, ушел в свою комнату.

Всю эту сцену, стоя в дверях гостиной, молча наблюдал Михаил Петрович.

—Что это с ним? – увидев мужа, недоуменно спросила Зинаида Васильевна.

—Давай помогу, – избегая ответа, предложил он, притянул к себе жену и нежно поцеловал ее в щеку.

Глаза Михаила Петровича, сохраняющие редкую для его возраста яркую голубизну, были печальны.

В кухню Тимка не вернулся, да его и не звали.

Он лег на кровать и, наверное, заревел бы от всего непонятного, что происходило внутри него. Но его сдерживал страх, что кто-то может зайти в комнату и увидеть, будто он ведет себя, как девчонка.

Три самых родных человека были совсем близко, но впервые он чувствовал себя таким одиноким. Тимка уткнулся лицом в диванную подушку, которая хранила еще запах Руны, и зашмыгал носом.

Нет, никогда-никогда он не сможет открыться папе-Мише в том, что так позорно предал его, пусть только в мыслях. Ах, если бы, как раньше, могла рядом с ним лечь Руна и, тихонько скуля, принялась бы лизать его щеки шершавым языком.

Зачем, зачем приехал этот Трубников?! И эти его приятели или кто там они такие! Сидят, пьют чай со своим благородным воспитанием, дезодорантами и начищенными бо-

тиночками! Спасли бедных деток от плохих парней, но, конечно же, это для них так нормально, что и вспоминать не приходится. Только «бедные детки» сами бы во всем разобрались, а теперь фиг с два получают они мяч! Объясняйся теперь с директором!

Думал об этом, а внутри все кричало:

« Приехал чай попить!

Даже по имени меня не назвал!

Трубников Антон Семенович!

И пусть! И пусть!

Мне он тоже не нужен!

Паспорт буду получать – не возьму его фамилию!

Дурацкую такую!

Труба! Труба! Дело – труба!

Сколько дрался из-за прозвищ!

То – «Труба», то – «Маринеска»!

Имя тоже поменяю! Напишу Тимофей!

Нет! Не это! Кошачье какое-то!

В «Кадетах»* был Трофимов... «Трофим»...

« Кадет – на палочку надет»!

И это не подходит!»

Тут Тимка прислушался. С улицы слышался звук отъезжающей машины. Он вскочил! Замер посреди комнаты!
«Неужели все уехали?! И Он?! »

Тимка вышел в гостиную.

И тут дверь из кухни открылась, и на пороге появился сам Трубников.

Он был очень бледным, худым, с серыми от седины волосами, и Он грустно улыбался.

— Ну что, здороваемся, сынок?

Тимка, растерялся от неожиданности, сглотнул и спросил после паузы:

— Я думал, Вы уехали. А Вы это... остались.

— Как видишь, – усмехнулся отец. – Голова болит? Давай посмотрю.

Тимка сделал шаг назад.

— Не надо! Со мной все в порядке.

Отец вздохнул:

— Значит, опять будешь вести себя со мной, как партизан на допросе.

Подошел к дивану, сел.

— Смотри сюда!

Тимка повернулся к нему лицом. В руках у отца был будильник, похоже, целый и невредимый.

— Батарейки есть?

— В плеере.

— Давай их сюда, и отнесешь будильник на место. У него только крышечка потерялась, которая батарейки придерживает.

вает. А так вроде все цело.

—Держи, – протянул будильник сыну. – Так не болит, говоришь, голова?

—Немного. Там просто шишка небольшая.

Отец притянул сына к себе, усадил рядом на диване и, уже не спрашивая разрешения, осторожно раздвинул длинными пальцами крутые завитки темных Тимкиных волос.

—Единорог!

Улыбнулся.

—Ну, отдыхай.

Поднялся и вышел.

Тимка подождал немного, потом прошмыгнул в кухню.

—Зина!

—Что тебе? Грубиян такой! – в сердцах сказала Зинаида Васильевна, шинкуя капусту на толстой буковой доске, вырезанной мужем в виде орехового листа.– Проголодался?

Тимка обнял ее сзади за талию, прижался щекой к завязке на фартуке.

—Я твой будильник сегодня без разрешения взял и думал, что потерял возле школы. А Трубников нашел. Не сердись, ладно?

—Что еще за «Трубников»?! Ты хоть бы раз папой его назвал! Вот кому сердиться на тебя надо. И фартук мой оставь в покое! Вспомнил детство!

Не смей, я говорю, тесемки развязывать!

—А где папа-Миша?

—С отцом твоим в беседке разговаривают. Мишка, по моему, вторую пачку «Беломора» курит. Видишь, какой дым идет? Дождется, что пожарники приедут!

—А Он долго у нас пробудет?

—Не говорил.

Тимур вытянул шею и стал протискивать голову под рукой у Зинаиды Васильевны, пытаясь ухватить губами капусту.

—Тимка! Не смей! Щекотно же! Ну, просто теленок, а не ребенок! Иди, займись делом!

—А у него много вещей?

—Так я и поверю, что ты сам этого не знаешь!

—Я только с сумкой его видел. Спортивной.

—Ну, так и есть.

Тимка подумал «значит, ненадолго», вздохнул и сам не понял отчего: то ли обрадовался, то ли огорчился. Похоже всего понемногу.

—Ладно, – ответил он примирительно, – не буду тебе мешать. Только ты в борщ много капусты не клади!

—Господи, ты же не ел с утра. Вон Миша тебе бутерброд с сыром сделал и пироги с вишнями на тарелку положил. А чай сам наливай.

—Я потом! Не хочется мне сейчас!

И не успела Зинаида Васильевна возразить, как Тимки и след простыл.

Чтобы подобраться к беседке незаметно, он вылез в ого-

род из окна своей комнаты и, пригибаясь, приблизился к «Плезиру» как можно ближе.

Папа-Миша сидел спиной к жасминовому кусту, за которым со всей индейской осторожностью притаился Тимур, самый-самый последний из могикан*.

Трубников – сидел напротив.

«Белые люди» говорили негромко, к тому же Тимка и не предполагал, какая шумная их маленькая «Прорезная» улочка. Истерично кудахтала курица и лаяла беспородная собака Мухтар, которую посадили на цепь в Сенькином дворе. У соседей справа звучало целое трио: мяукала кошка, плакал младенец и тетя Фрося орала на своего мужа, тихого пьяницу Петюню. По самой улице проехали один за другим два автомобиля и прогрохотал трактор. К тому же над самой Тимкиной головой скрипел на шесте ветряк, сделанный в виде самолета неизвестной конструкции. И потому, как ни вытягивал шею любопытный могиканин, услышать, о чем идет разговор в беседке, не удавалось. Между тем, все, о чем говорилось, было бы ему весьма интересно.

—В первом походе любую новую лодку приходится «учить плавать», – рассказывал свояку Каперанг Трубников.

– Тем более такую махину, как подводный крейсер. А когда пообвыкли друг к другу – случились два ЧП, одно за другим.

Михаил Петрович щелкнул зажигалкой, закашлялся.

—Ну, что ты все «Беломором» травишься? – огорченно сказал Трубников. – Там же не листья табака, а палки. Я же тебе передавал блоки и “Marlboro” и “Camel”.

—Спасибо, дружок, но нельзя мне «от народа отрывать-ся». Барином становиться. Да и кашель меня сильно бьет, когда меняю табак. Мне проще бросить. Ну, и как же ты выкабался?

—Говорят – родился в тельняшке. Вообще-то, так и было. Отец, как привезли меня из роддома, сразу же в тельник обрядил. А, по правде говоря, не знаю, что мне больше помогло – лекари и лекарства или то, что за Тимку я был спокоен. У меня ведь было одно желание – выжить и увидеться с ним! Я заставил себя забыть обо всем, кроме этого! К тому же повезло с генами. Оказался малочувствительным к такой степени облучения.

—Надежда знает?

—Нет. Еще тогда прислала согласие на развод и все. Тимур вписан в мои документы. А ты, что о ней знаешь?

—Немного. И все через кого-то. Курсы медсестер закончила. Купила машину. С той... подругой давно рассталась. Нам не пишет. И в кого она такая кукушка!

—Оставь, Миша. Просто до встречи со мной Надя не успела в себе разобраться. А я уходил в море, поэтому торопил ее, боялся утратить. И потом... она Тимкина мама. Других детей у меня не будет.

Знаешь, в аварийных отсеках работали только офицеры

и мичмана. У большинства уже были дети. Мальчишек мы постарались сберечь.

—Сколько человек у тебя под началом? Сто? Как на «Курске»?

— Около того. Из тех, кто облучился, как я, осталось двадцать четыре человека. Двоих уже не досчитались, но это на берегу. Из срочников никто больше допустимой дозы не получил. Они у нас особенные. Все с высшим или не законченным высшим. Говорят, скоро и их заменят контрактниками.

—Тимка фильм смотрел, «К-19», у Павла – Вовкиного друга. Мы с Зиной не знали. Пришел оттуда на себя не похожий. Зинаида все лоб ему щупала, боялась – заболел. Но нам – ни словечка.

Маруся (Кларина) там тоже была, так она с половины фильма сбежала. От нее обо всем и узнали.

Зина грозилась Пашке голову открутить. А я думаю, может это и к лучшему, что мальчишка о таких событиях узнал. Только вот боюсь, что сочувствовал он не столько советскому капитану, сколько известному ему Индиане Джонсу. Они же теперь все на этих Голливудских фильмах помешаны: «Индиана то», «Индиана это»! А тут получается «Индиана и атомная бомба».

—Обо мне Тимка спрашивал?

—По-своему. Спросит: «Он написал, где сейчас?» – и все. Когда Гриша-военком мне о вашем ЧП сообщил, я ему ни-

чего не сказал. А вот после твоего звонка «раскололся». Без подробностей. И вот тут этот фильм.

—Понятно...

—Вообще-то я ему до этого много чего о военных морях рассказывал. Только это его не увлекало. Для них же с Сенькой, что Вторая Отечественная, что Первая, – все далекое прошлое. Они теперь о климате планеты беспокоятся, океан хотят сохранить. У Тимки любимый герой – Кусто с сыновьями. Собирается отправиться с ними на какой-то остров Кокос сокровища искать и акул изучать. Ни одной серии «Одиссеи Кусто» не пропустил.

—Его правда. Меньше всего я бы хотел, чтобы он мечтал о моей профессии. «По морям – по волнам, нынче здесь, завтра – там»... Месяцами в чужих водах атомную смерть для планеты с собой возить и сторожить, чтоб невзначай не вырвалась. Да и «взначай» – не хотел бы я ее выпустить! Вот на что моя жизнь ушла.

Трубников потянулся к измятой пачке Беломора, закурил. Глаза были горькие.

—А как ты? Как твое здоровье сейчас? – спросил Михаил Петрович после долгого молчания.

—Говорят, неплохо.

—Это – «говорят». А ты сам, что чувствуешь?

—Послушай, Миша, я, собственно, сейчас вроде как в самоволке. На днях в госпитале будет консилиум по поводу

моего лечения. Мне приказано быть в Москве на связи. Двое суток я уже разменял, зато встретил друга по училищу, и он устроил меня в шикарной квартире зятя, который уехал с семьей в командировку за границу.

Так вот, как ты смотришь, если я там денька два с Тимуром побуду? Я бы здесь остался, но за мной в любой момент могут приехать по московскому адресу. И потом, что греха таить, очень мне хочется с ним один на один остаться.

—Понимаю. Самое время вам побыть хоть сколько-то без третьих лишних. Но как же Тимка домой возвратится, если тебя неожиданно в госпиталь заберут?

—Тут проблем нет. Его к вам на служебной машине доставят. Вот только, захочет ли он поехать. Я как вспомню прошлый приезд сюда... А ведь до трех лет, если я был дома, он у меня с рук не сходил. Веришь? Боюсь, он и теперь не очень-то мне рад.

—Рад! Рад! И очень ждал.

Тут Михаил Петрович замолчал и прислушался. Это он услышал Тимкину попытку переместиться поближе к беседке.

—Так! – нарочито громко сказал он, подмигнув Трубникову. – Похоже, возле нас скрывается в кустах какой-то лазутчик-пластун. Сейчас мы его, голубчика, возьмем в «клещи». Вставай, Антон!

Испуганный Тимка вначале на четвереньках, а потом,

встав во весь рост, бросился в огород.

Михаил Петрович рассмеялся:

— Вот «ухо от старой лоханки»!

— Ты думаешь, он давно там за кустом сидел?

— Сколько ни сидел, а мало что услышал. Родительским опытом проверено.

Вовка там всегда прятался, когда мы с Зинаидой военный совет держали против его школьных дуростей. И, представь, ничего толком он там подслушать не мог. А Зина, когда волнуется, тихо говорить не умеет.

Антон откинулся на спинку плетеного стула и стал молча раскачиваться на задних ножках.

— Вот ты говоришь «с рук у меня не сходил», – продолжил Михаил Петрович. – И со мной у него так было. В том возрасте им главное чувствовать, что рядом свой «собственный» человек, от которого все детские страхи бегут прочь. И любовь твою они принимают всем своим существом, как материнское молоко. Материально, так скажем. Ему прижаться к тебе надо, чтобы ты всегда готов был его обнять и не оттолкнуть, даже если занят своим, взрослым делом. А внешность близкого человека не имеет для него никакого значения, тем более официальные регалии.

Михаил Петрович закашлялся.

— А сейчас у него другой возраст начинается – подростковый, «судейский», – сказал он

после паузы. – Теперь он хочет знать, кто ты среди других

людей? И тут все важно: каким делом ты занят, любишь ли свою работу, уважают ли тебя другие люди. Внешность тоже...

При этих словах Михаил Петрович с грустью улыбнулся.

— Теперь и у меня начнутся трудности с Тимкой. Я, например, почувствовал, что Кутиком называть его уже не нужно...

—Миша! Антон! Обедать пора! – позвала Зинаида Васильевна.

—А Тима где же? – спросила она, разливая по тарелкам густой красный борщ, густо приправленный огородной зеленью. – Я думала, он с вами. Тихо в доме.

Михаил Петрович направился в детскую и застал племянника за конструированием космолета из старого Вовкиного конструктора.

Окно было закрыто, но на полу под подоконником темнела россыпь огородного чернозема.

—Обедать идем, вождь краснокожих или кто ты там, может Нат Пинкертон? Только прежде возьми веник и замети за собой следы.

Тимка насупился, но встал и пошел за веником. По дороге спросил:

—А Пинкертон – это кто?

—Плохо подслушивал, вот и не узнал.

—Я серьезно!

— И я серьезно. Чтоб больше этого не было!

Обедали на кухне. Стол был придвинут к стене. Потому сидели так: Михаил Петрович и Антон Трубников друг против друга, а Зинаида Васильевна и Тимка рядом. Тимур ближе к отцу.

Заметив, что Тимка вытирает рот ладошкой, Зинаида Васильевна поспешно вскочила и, порывшись в серванте, нашла несколько бумажных салфеток. Одну сунула племяннику, остальные веером вложила в стакан и поставила посреди стола. Папа-Миша при этом и глазом не моргнул, а Трубников сразу же протянул руку и вынул из стакана другую. Потом Зинаида Васильевна поставила на большую тарелку с масляно блестящими варениками с картошкой.

Тимка искоса посмотрел на отца. Тот положил на тарелку два вареника и, вооружившись вилкой и ножом, отрезал от них по небольшому кусочку, ловко заправляя в тесто вылезающую начинку. Говорили о приезде Вовки, о поселковых новостях, о гигантских «пробках» на улицах Москвы, Кларинном семействе, и на Тимку внимания не обращали. Тогда он решился, переложил вилку в левую руку и попытался есть, как отец. Но первый же кусок донести до рта не удалось. Чувство было такое, как будто рука стала совсем даже не его. И, обретя самостоятельность, двигалась по неуправляемой траектории. В конце-концов, вилку до рта он донес, но вареника на ней уже не было. Поглядев по сторонам и убедившись,

что все заняты своим разговором, Тимур решительно переложил вилку в правую руку. Но, тут же перехватив лукавый взгляд папы-Миши, и подумал, что теперь тот непременно скажет по этому поводу что-нибудь вроде: «Без труда и вилку не донесешь до рта». И смутился.

После обеда Зинаида Васильевна стала убирать со стола, Михаил Петрович остался ей помогать, а Трубников и Тимка отправились в «детскую». Папа-Миша настоятельно посоветовал Каперангу посмотреть выставку Тимкиных поделок из металлического конструктора.

Маленькая светлая «детская» по-прежнему оставалась гнездом Рокотова-младшего, из которого он только-только выпорхнул во взрослую жизнь. Несколько школьных и дембельских фотографий на стене и рядом с ними одинокая боксерская перчатка на гвозде в обнимку с эспандером. Табличка «Уважайте труд уборщиц» по соседству с портретом Че Гевары. На самодельных полках вдоль стены стояли книги, полученные когда-то в обмен на макулатуру. Здесь «Проклятые короли» соседствовали с «Белой гвардией», «Лезвие бритвы» с «Чтениями по истории России» Соловьева, а «Белый вождь» Майн Рида с «Камо грядеши» Сенкевича. Книжки были не новыми, явно читались и перечитывались. Трубников мысленно прикинул, сколько талонов по пять килограмм макулатуры нужно было обменивать на все это книжное сокровище и усмехнулся. Рокотовы были истинными энтузиастами-книголюбителями. Но чтение это, судя по тому, как рас-

полагались книги, было бессистемным. Впрочем, одна полка была полностью отдана книгам по географии и содержала исключительно мемуары и томики ЖЗЛ о знаменитых путешественниках.

Тимкино присутствие в этой комнате угадывалось по стае динозавров всех родов и видов, которая разбавила Вовкино воинство из оловянных и пластиковых солдат. А индейцы и ковбои с лассо стояли теперь вперемешку с новенькими человечками из Лего.

Трубников вздохнул, стараясь не выразить на лице свое разочарование тем, что не увидел ни одной игрушки, которую Тимка увозил из отчего дома. Ни мохнатого рыжего щенка Кутю с черным ухом, ни пластмассовую собачку Аву, которая в ловких отцовских руках умела делать поклоны, садиться и махать хвостиком, ни красную машинку пожарной охраны с глазами – фарами на крыше.

До этой минуты ему казалось, что все между ними наладится, как только к ребенку вернется память о тех счастливых минутах, когда они чувствовали себя чем-то единым. Но, похоже, и тот маленький мальчик, и тот молодой отец уже имели мало общего не только друг с другом, но и сами с собой. И ему, капитану первого ранга, придется иметь дело с незнакомым членом своей семейной команда девяти с половиной лет от роду.

Лет десять-пятнадцать назад для признания лидерства у

команды из бывших пионеров и комсомольцев хватало авторитета должности старшего офицера. Теперь для нового экипажа важен был еще и авторитет личности командира. Миша прав. Памятью прошлого не обойдешься. Придется откровенно отвечать на неудобные вопросы и терпеливо добиваться понимания и той близости, которая когда-то далась ему незаслуженно легко. Но Трубникова это не пугало, только бы вернуться.

Тимка в это время поднял с пола и поставил на стол подъемный кран самостоятельно собранный из остатков трех Вовкиных конструкторов. И инженер Трубников с уважением посмотрел на его создателя. Кран на четырех разноцветных колесах имел подвижную кабину и стрелу сантиметров в тридцать. Он был прицеплен к тягачу, в кабине которого сидел леговский рабочий в спецовке и каске. Тимка покрутил ручку, и кран легко поднял со стола коробочку со скрепками. Мальчик закрепил поднятый груз на высоте и вопросительно посмотрел на Трубникова.

—Такой большой! – искренне удивился Трубников и стал серьезно и внимательно осматривать Тимкину конструкцию.

— Вот тут крепление интересно придумано и тут, – он указал на те места, где стрела соединялось с кабиной и с платформой. – Из нескольких конструкторов собрал? Без чертежей?

— Да.

— Хорошая работа,

Тимка смутился, покраснел и стал опускать скрепки вниз.

— Тимур, – внезапно сказал Каперанг, притягивая к себе сына, – поедешь со мной в Москву? Ненадолго.

—Один?!!

—Со мной, – грустно усмехнулся Трубников.

—Поеду, – сипловато ответил Тимка после недолгой паузы. – А когда?

—Завтра утром.

—На машине?

—Нет. На автобусе. На машине тебя отвезут из Москвы сюда.

—А ты... Вы потом куда?

—Останусь в Москве.

—И... уже не вернетесь?

Трубников сглотнул. Слова Тимки имели неизвестный мальчику зловещий смысл.

— Вернусь и уже не уеду, – Трубников заставил себя улыбнуться. – Ну, если согласен, начинай собираться. Автобус утром. Дядя Миша в курсе.

Тимур постоял немного, закусив нижнюю губу, потом круто развернулся и побежал на кухню.

—Зина! Меня Трубников берет с собой в Москву ненадолго. Ты меня соберешь?

Зинаида Васильевна в это время одной рукой заталкива-

ла в мясорубку куски мяса, а другой крутила ручку. После Тимкиных слов она оставила свое занятие и присела на стул, держа на отлете испачканные пальцы.

—Крути давай!

Тимка принялся вертеть тугую рукоятку, налегая на нее всем телом.

Зинаида Васильевна подождала, пока прокрутится то, что было в раструбе мясорубки, и положила новую порцию мяса.

—Давай! Давай!

—Ну, так ты меня соберешь? – сдавленным от натуги голосом опять спросил Тимка. – Автобус утром. Папа-Миша в курсе.

Зинаида Васильевна встала, отстранила племянника от машинки и вдруг обидчиво сказала:

—Если это ваше мужское решение, с мужиками и советуйся.

—А папа-Миша где?

—Что, не заметил, как ушел? Надо же. На стройку он по-мчался, как угорелый. Вон мобильник лежит. Забыл.

—А там у кого-нибудь еще есть телефон?

—Может и есть, только других номеров я не знаю.

Тимка вышел на крыльцо, постоял немного и побежал в свое Робин-Гудовское убежище. Сел на деревянный обрубок, задумался.

Пряно пахло помидорной зеленью и укропом. Сонно и надоедливо жужжали большие мухи, норвя укусить его за но-

ги, уже и так густо украшенные ссадинами и царапинами. Белые капустницы целыми эскадрильями все еще летали над капустной грядкой. И слышно было, как с деревьев падают на траву изъеденные червяками янтарные яблоки белого налива.

Солнце устало опускалось к горизонту. Длинный летний день, как хлопотливая хозяйка, никак не мог переделать все свои дела.

Вдруг планки соседской изгороди раздвинулись, и в лаз просунулась голова Сеньки.

—Я видел, как ты на крыльцо выскочил, а потом сюда дернул.

Тимка на его появление никак не прореагировал.

—Узко стало, – продолжил Сенька с досадой. – Футболку чуть не порвал.

Нужно еще одну планку отодрать.

—Калитку нужно сделать, – ответил Тимур. – а то скоро все ваши куры к нам в суп попадут. Рыжая опять на наших грядках рылась.

—А я у Борьки был. Лежит, героя из себя изображает. Думает, он один пострадал. Лучше бы поменьше внимания к себе привлекал, а то брат быстро сообразит, куда его сигаретная заначка делась. Между прочим, если бы не мой организм, меня бы в лепешку раздавили вместе с мячом. Навалились все! У меня даже дыхание перехватило!

—То-то ты орал, как резаный! – фыркнул Тимка. – Слу-

шай, мне Трубников предложил в Москву с ним поехать на пару дней.

—Прикольно! Во кайф словишь!

—Словлю...

—А твои что?

— Трубников говорит, что папа-Миша не против, но он-то сам мне ничего не сказал и уехал на стройку. И мобильник забыл. Кто знает, когда домой вернется. Может на ночь останется. А автобус рано утром отъезжает.

—Ну, и чего ты волну гонишь?! Не соврал же твой папаша!

— Нет, конечно...

Тимка замолчал. Сейчас ему больше всего хотелось, чтобы с ними в Москву поехал и папа-Миша, пусть даже в спецовке, старой бейсболке и рубашке, пуговицы которой не застегивались на животе – какой угодно! Но разве кто-нибудь это поймет?!

«Так мне и надо, предателю! – думал он про себя».

—Слушай, Сенька, – сказал Тимка, нарушая молчание. – давай на стройку на великах смотаемся.

—Так это же километров пять будет, если не больше!

—И что, слабо «твоему организму» педали полчаса покрутить?

—Слушай, вечер уже, и потом меня мать приберет. Я сегодня Кешку из клетки выпустил и, пока ловил, две трехлит-

ровые банки разбил. А она приготовилась в них помидоры закатывать. Теперь вот велела мне новые банки стерилизовать и все такое. И потом у меня тоже травма не хуже, чем у Борьки, только я терпеливый. Пусть я съем червяка, если вру!

—Ладно! Терпеливый! Давай так. Я свой велик выведу потихоньку из сарая, а ты помоги мне его через заборчик к вам во двор перетащить.

—Значит, тетю Зину спрашивать не будешь?

—Вот, даешь! «Щас» она придет в восторг и сама меня на велик посадит!

—А этого... Трубникова?

—Он-то при чем?! Это наши с папой-Мишей дела.

Михаил Петрович стоял на балкончике мансарды, проверяя, насколько аккуратно были укреплены перила, когда на дороге, ведущей к стройке, увидел знакомую детскую фигурку, отчаянно жмущую на педали велосипеда.

—Перекур, ребята! – сказал он рабочим. И не успели они затануться, как увидели своего бригадира уже во дворе у ворот усадьбы.

Эта способность Михаила Петровича к неожиданно быстрым передвижениям в пространстве опрокидывала всем известные со школьной скамьи законы зависимости величины скорости от массы тела. Раньше это поражало его коллег по заводу, теперь – рабочих на стройке.

—Ну, и в чем дело? – спросил Михаил Петрович, усаживая обессиленного Тимку на скамейку в прорабской. – Кстати, Зина знает, куда тебя понесло на ночь глядя?

—Не-а, – тяжело дыша, ответил велосипедист.

—Витя! Виктор! – громко позвал Михаил Петрович шофера, который обычно привозил и увозил его со стройки. – Мобильник с тобой? Дай мне, пожалуйста, а то я свой дома оставил.

И Тимке:

—Вон термос, попей чайку.

Взял у Виктора телефон:

—Зина! Ну, знаю. Забыл. Да не волнуйся ты так! У меня он. Через часок вернемся. С Антоном поделикатней! Все! Целую!

И опять Тимке.

—Отдышался? Давай короче, мне еще с ребятами поговорить нужно.

—Пап-Миша, отец меня в Москву приглашает.

—Знаю. Дальше.

—Я что, один с ним поеду?

—Нет! С Ариной Родионовной!

Тимка надулся, скрестил ноги под скамейкой и отвернулся.

Михаил Петрович посмотрел на него, улыбнулся и сказал уже мягче:

—Ты что, не мог дождаться, пока я вернусь? Весь дом пе-

реполошил.

—Но ты же ушел и ничего не сказал. Откуда я мог знать, когда ты вернешься, – ответил Тимка с обидой. – Никогда раньше такого не было.

—Неужели? – Михаил Петрович ласково потрепал Тимку по спутанным кудрям. – Не хотел вас с Антоном от серьезного инженерного разговора отвлекать. Вот и ушел «по-английски», как говорит наша светская дама Клара Васильевна.

После слов «светская» Тимка вдруг покраснел. Вспомнил, как сравнивал папу-Мишу с утренними гостями.

Полчаса Тимур наблюдал, как к Михаилу Петровичу со всех сторон подходили и подбегали люди, что-то спрашивали, о чем-то спорили, но видно было, что последнее слово остается за ним. А потом Витя-шофер прикрутил велосипед к багажнику своего «Жигуленка» и повез папу-Мишу и его домой.

Зинаида Васильевна, увидав племянника, церемониться не стала, а умудрилась-таки шлепнуть его пониже спины, хотя он и прятался за Михаила Петровича.

—Сама сказала – собираться «мужское дело», я и поехал советоваться, – огрызнулся Тимка, и получил легкий подзатыльник уже от Михаила Петровича.

—Антон где? – спросил он жену.

—Спит. Когда я хватилась Тимки, заглянула в залу, а он прикорнул на диване, бледный такой. Ну, я и вышла на цы-

почках. Так что о Тимкиных художествах он ничего не знает.

—Уф! – Михаил Петрович вытер лицо большим клетчатым платком. – Тогда все в порядке.

И Тимуру:

—Пойдем, сынок, в спальню, мне поговорить с тобой нужно.

Войдя в комнату и пропустив за собой Тимку, Михаил Петрович закрыл дверь и собрался было сесть на кровать, но вовремя вспомнил, что не успел переодеться. Потому, кряхтя и вздыхая, он устроился на странном и неудобном для сидения подобии туземного барабана – очередном подарке свояченицы Клары, которое называлось «пуфиком».

Тимка сел напротив него на ковре, охватив руками острые коленки.

—Послушай, Тимур Антонович, тебе как-никак уже девять лет...

—Не девять, а «полдесятого», – быстро поправил его племянник.

—Согласен. Так вот, «Полдесятого», сам видишь, как наш капитан выглядит.

Ему еще лечиться и лечиться. Правду скажу, без тебя я его одного в Москву бы не отпустил. А так я знаю, что за ним глаз будет. Посмотришь, как там он устроился.

Сейчас я душ приму, перекусим и займемся твоим рюкзаком. Зина правильно сказала: мужики сами должны уметь собрать себя в дорогу, чтобы нужного не забыть и лишнего

не нахвататься.

Когда укладывали рюкзак, не заметили, как в комнате появился Трубников. Он постоял недолго в дверях, потом сказал виновато:

— Выбился я из графика, Миша. Перед Зиной неудобно.

— Да она только рада, что ты выспался. Теперь ждет к ужину, – ответил Михаил Петрович. – А мы с Тимкой уже поели и теперь вот собираем его в дорогу.

— Добро. Тогда пойду перед Зиной извиняться.

В рюкзак по обоюдному согласию положили зубную щетку, запасную футболку с надписью «7 RONALDO», домашние тапочки и ветровку с капюшоном. Незаметно от папы-Миши Тимка сунул туда кошелек со своими сбережениями – 50 рублей, куда Михаил Петрович (тоже незаметно) положил еще 500.

— Плеер берешь?

— Ну, что ты, пап-Миша, я же понимаю, тебе он тоже нужен. Только батарейки я Зине отдал.

— Гм, с батареек бы и начал, сознательный наш, – засмеялся Михаил Петрович.

После сборов Тимку отправили спать. Он собирался еще почитать в постели, раскрыл книгу и только на минуточку закрыл глаза, как она, шелестя страницами, как перьями, опустилась на голубое покрывало и уплыла в Тимкин сон.

Михаил Петрович заглянул в детскую, переложил книгу на стол, выключил свет, а потом отправился в гостиную и присел на диван рядом с Трубниковым.

—Уснул, матросик твой. Наволновался перед первым плаванием под твоей командой. Если что, Антон, ты его не строй. Паренек он самостоятельный. И что я люблю в нем: не соврет и признается сразу.

Ну, а так – обычный мальчишка, шалун и лодырь.

—А Зина говорит – учится отлично.

—Ага, ты слушай ее больше. Во-первых, парень наш еще только начальную школу окончил. У них там пол класса таких «отличников».

Самое разлюбезное занятие для него вовсе не школьные уроки. Ему самое главное, чтобы побольше времени оставалось с Сенькой на великах погонять. Потому Зина после школы еще тарелку на стол не поставит, как Тимка уже стоит на коленках перед письменным столом, задачки решает. Это значит, чтобы для баловства больше времени оставалось. В общем-то, нормально для его возраста.

А теперь ложись спать, Антоша. Я тебе сейчас чая с медом принесу. Спи так же крепко, как твой сын Тимка за стеной. Все будет хорошо, дружок!

Трубников улыбнулся:

—«И мы еще увидим небо в алмазах»?...

Они обнялись, и Антон закрыл глаза. Это, чтобы Миша Рокотов, не дай Бог, не увидел, что они у капитана на самом

что ни на есть мокрым месте.

Витя, шофер, привез своих пассажиров на автобусную станцию раньше времени. Михаил Петрович положил Тимкин рюкзак на сиденье и вышел. Трубников со своей сумкой не расстался. Они с папой-Мишей отошли в сторону, и Тимур понял, что мешать им не нужно.

Прибывающие пассажиры укладывали вещи в багажник или на сидения «Икаруса» и оставались постоять на воздухе, попрощаться с теми, кто их провожал. Времени до отъезда оставалось много, и водитель отправился в диспетчерскую поболтать с девицами в голубых форменных рубашках.

И вдруг Тимке, сердце которого вдруг сильно заколотилось, а потом дернулось и на мгновение остановилось, стало страшно до холодка в животе. Вдруг это не простой автобус! Вот захлопнутся его двери и окажется он, Тимка, в какой-нибудь Нарнии. И не увидать ему больше ни папы-Миши, ни Зины, ни Сеньки с Маруськой! Подумал и тотчас очутился за спиной папы-Миши и уткнулся лбом в его любимую безрукавку. Михаил Петрович закинул руку назад и поставил племянника рядом с собой.

—Застоялся, добрый молодец? Скоро поедете. Да, вот тебе Мария свой плеер передала.

Трубников перехватил его руку:

—Поблаговари ее, Миша. Как только мы приедем, у Тимура будет свой.

Ни Манькина щедрость, ни обещание Трубникова настроение Тимки не изменили. Вот если бы папа-Миша сказал, что решил поехать с ними в Москву...

В автобусе Тимка сел возле окна. Его рюкзак и пакет с яблоками и пирогами уже лежали в сетке. А Трубников поставил свою сумку у ног на пол и куртку положил на колени.

Так долго находиться рядом с человеком, которого не знаешь, как называть, было нелегко. Потому Тимка, смущаясь, держал левую руку не на поручне, а на колене, чтобы никаким образом не касаться капитана.

Думать о том, что несколько дней придется вести себя как на школьном уроке при городской комиссии было неприятно. И Тимка стал, глядя в окно, считать сколько и каких машин их обгоняло, какого цвета и марки. Этой забавы ему хватило на полчаса, а потом его укачало. Он задремал и склонился к плечу Трубникова. Тот старался не шевелиться. Лишь время от времени он осторожно наклонял голову и касался лицом Тимкиных волос.

Когда Тимка очнулся ото сна, то понял, что под головой у него лежит капитанская куртка, и от нее пахнет совсем даже не чужим, а необъяснимо знакомым запахом. Он взглянул вверх и увидел над собой бледное лицо Трубникова с закрытыми глазами. В этом лице было мало от того человека, который приезжал, чтобы повидаться с ним перед первым классом. И на фотографию в металлической рамке, которую

Зина повесила на стену в «детской» он был не очень похож. Зато в нем вдруг начинало проявляться что-то очень близкое и знакомое, чему у Тимки не хватало определения.

Капитан очнулся от дремоты почти одновременно с Тимуром, нагнулся за упавшей на пол курткой и, повернув голову, встретился с мальчиком глазами. Тот вдруг смутился, как будто уличенный в чем-то недозволенном, спросил «который час» и жарко покраснел.

Трубников поглядел на левое запястье, что-то ответил, но это уже совершенно не интересовало Тимку. Он во все глаза смотрел на капитанские часы. Они были большие, как бы двухэтажные с красивыми четкими цифрами. Прозрачная крышечка над циферблатом по бокам была ребристой. А на циферблате... на циферблате было изображение звезды с четырьмя большими и четырьмя маленькими острыми лучами.

— Это «Командирские часы», — не то спросил, не то сам себе сказал Тимка.

— Так точно, — улыбнулся Трубников.

Капитану очень хотелось добавить, что когда-то эти часы пускались в подводное плавание в его, Тимкиной, детской ванночке. Но он сдержался, не хотел, чтобы его взрослые воспоминания подменили Тимкины детские. А Тимур, закусив губы, отвернулся к окну и до самой Москвы не проронил

ни слова

У трех вокзалов бойкие таксисты наперебой предлагали свои услуги. Тимке и Трубикову досталась желтая Хонда с молодым развязным водителем. Он сказал, что через центр не проехать – пробки, и лихо вывернул на какую-то эстакаду. Тимка сидел на заднем сидении один, смотрел в окно, но был весь погружен в себя: ни на что не реагировал и ничему не удивлялся. Единственно, что его поразило – это длинный автомобильный туннель, как в «Солярисе», который он когда-то смотрел вместе с Вовкой. Опять появилось чувство, что это может быть дорогой в неведомые миры. Трубников несколько раз оглядывался, внимательно смотрел на Тимку, но ни о чем не спрашивал. Зато водитель болтал без остановки.

Квартира, где обосновался Трубников, была на последнем двенадцатом этаже. Когда открыли дверь и переступили порог, Тимка сразу понял, что здесь давно не жили. Запах был такой, как в кладовке у Рокотовых, где хранились пустые чемоданы, детский Тимкин велосипед, остатки свернутых в рулон старых обоев и две брезентовые раскладушки. Капитан оставил Тимку в комнате и понес в кухню пакет с заботливо приготовленной Зинаидой Васильевной домашней снедью, рассчитанной недели на две пребывания в автономном режиме.

Комната была большой, светлой и как бы «раздетой». Карнизы без штор, паркетный пол со следами мастики по краю и бесцветный в центре, полупустые книжные полки. Свернутый в трубку напольный ковер был поставлен вертикально и прислонен к полкам. От наклона верхушка его немного согнулась, и Тимке представилась фигура уставшего работника с папы-Мишиной стройки. Признаки жизни были только на разложенном диване: аккуратная стопка использованного постельного белья на подушке, вязаная безрукавка и проводной телефон на кейсе.

Трубников вернулся из кухни и отвел Тимку в соседнюю комнату с кроватью, на которую положил Тимкин рюкзак. Сказал:

— Располагайся. Можешь книги посмотреть в гостиной, а я пойду поставлю чайник.

Близость, возникшая между ними в автобусе, там и осталась. И Тимке опять почувствовал себя брошенным и одиноким...

Кухня, к удивлению Тимура, оказалась вполне обжитой. На столе стояли и солонка, и сахарница, на сушилке – тарелки, а на плите пузатый чайник.

Трубников нарезал и разложил на тарелке тонкокожие сочные помидоры и коротенькие пупырчатые огурцы с домашнего огорода, достал из пакета пироги и позвал сына.

Тимка пироги ел, а на остальное только поглядывал. Вилку капитан положил слева, и Тимур не решался повторить свой неудачный домашний опыт с левой рукой.

Капитан тоже пил «пустой чай» «в приглядку». Но не с помидорами и огурцами, а с пирогом, который одиноко лежал на его тарелке. «Пустым чаем» папа-Миша называл кипяток с заваркой без сахара. Сам он любил крепкий до черноты чай с тремя ложками сахара, который его золовка Клара называла «белой смертью».

Когда Тимка, которому очень хотелось пить, раздумывал, не попросить ли Трубникова и ему налить чаю, раздался звонок в дверь. Слава теперь был не в джинсах, а в форменной летней одежде – в белой рубаше с короткими рукавами, при погонах лейтенанта и капитанке на белобрисой голове. Он дальше коридора не прошел, а протянул Каперангу пакет со словами:

— Вот, Антон Семенович. Как Вы просили.

Трубников взял пакет из его рук, заглянул внутрь.

— Положил деньги на счет?

— Так точно. Все как договаривались.

Присоединиться к застолью лейтенант отказался, подмигнул Тимке, козырнул Каперангу и заспешил вниз по лестнице.

Трубников отнес пакет в гостиную, напоил сына сладким чаем, и только потом подвел его к дивану и вручил пакет:

— Вот, юнга, владей!

Тимка заглянул внутрь. Увидел какой-то провод с «вилкой» и небольшую коробочку. Открыл!..

Усталое июньское Солнце уже укладывалось на отдых, уступая место старому месяцу, а неугомонный владелец новенького мобильника Nokia 3310 Тимур Трубников все не соглашался ложиться спать.

Трубников, усмехаясь про себя, вспоминал, как старшие офицеры в кают-компании любили поворчать, что все эти новомодные гаджеты вскоре заменят живое человеческое общение, приятные беседы и душевные письма обменом безграмотными эсэмэсками и разговорами на бегу в буквальном смысле этого слова. И тогда он готов был с этим согласиться. Но только не сейчас!

Сейчас именно Нокия, которая серой рыбкой вибрировала в руке его сына, сделала их общение с Тимкой живым и теплым.

Тимка был знаком с двумя мобильниками. У папы-Миши была Моторола с антенкой, которую в прошлый приезд подарил ему Трубников, а у Паши – Эриксон. Первый час ушел на сравнение подаренного аппарата с ними и Филипсом отца. Потом Тимка звонил по всем знакомым номерам. Сначала, конечно, папе-Мише и Зине, потом Сеньке, онемевшему от зависти, и даже вредной Маруське.

Когда дело дошло до испытания камеры, Тимка сфотографировал Трубникова и сразу же принялся искать новые объ-

екты для съемок. Но капитан его остановил:

— Память у этой модели небольшая, так что не трать ее попусту. Завтра найдешь, что фотографировать.

Последним этапом знакомства с Нокией была игра в «Змейку». На удивление Трубникова, Тимка легко прошел все ее этапы, слегка запнувшись на пятом лабиринте. Капитан, заразившись энтузиазмом сына, решил тоже попробовать свои силы в игре, но быстро «очутился на мели». Уже на третьем варианте Лабиринта с четырьмя дверьми его змея часто оставалась голодной! Тимка то и дело забирал телефон из рук отца, показывал, на какие кнопки надо было нажимать, и возвращал. Незаметно для себя он перешел с Трубниковым на «ты». Это сразу же уловило чуткое отцовское ухо, и капитан подумал с надеждой, что Тимка если ничего и не вспомнит, то хоть не будет его дичиться. Невыносимо было рядом с собственным ребенком чувствовать себя похитителем чужих детей.

Тимка уплыл в сон, едва его голова коснулась подушки. Успел только подумать, что надо было позвонить и сказать Зине и папе-Мише спокойной ночи, как вдруг увидел их! Сидят грустные, а между ними Маруська чай пьет из его, Тимкиной, чашки и варенье столовой ложкой из банки ест! Хотел Тимка подбежать, отобрать у нее чашку, но вдруг полетел. Летит и видит внизу на школьном дворе Сенька и Колька мяч гоняют. Хочет Тимка им рукой помахать! Крик-

нуть хочет! Но голоса нет, и рука не поднимается. Ладно, думает Тимка, посплю немного, а там видно будет...

Убедившись, что мальчик спит, Трубников, для которого бессонница стала постоянной спутницей всех ночей, решил на этот раз не идти у нее на поводу, принял двойную дозу таблеток и упал в сон, как в черную дыру...

А Зинаида Васильевна Рокотова в доме №12 по Прорезной улице в пригороде старинного города на Оке вдруг проснулась среди ночи. Проснулась и испугалась. Михаила рядом не было. Она приподнялась и увидела, что в кухне горит свет. Михаил Петрович сидел спиной к двери, наклонившись над столом и положив себе на левое плечо правую руку.

—Ми-ша, – выдохнула Зинаида Васильевна. – Что с тобой?

Михаил Петрович вздрогнул, неловко повернулся и сбил со стола на пол пустой стакан.

—Господи, Зинуша, ты-то что встала?

—Миша, почему ты так сидишь?

—Как «так»?

—Говори, но только правду. У тебя **левая** рука болит??!

—Левая... – удивленно ответил Михаил Петрович, с испугом глядя, как его красавица жена в длинной ночной рубахе, укрытая почти до пояса золотыми прядями еще не седеющих волос, почти без чувств опускается на стул.

—Зина, девочка моя, что случилось?

Он схватился со стула и бросился к холодильнику за сердечными каплями.

—Скорую! Миша, нужно срочно вызывать «Скорую»!

Михаил Петрович дрожащей рукой пытался отсчитать жене двадцать капель валокордина, но, как назло, от долгого неупотребления носик капельницы был забит осадком. Плюнув с досады, Михаил Петрович открутил крышку и налил, в первую попавшуюся под руку чашку, лекарство и воду, не забываясь о соблюдении правильных пропорций. Налил и протянул жене. Та отшатнулась.

—Мишка, пей сам, не выдумывай!

—Мне-то зачем?!!

—Так рука же болит!

—Болит! И что?!!

—А мне Клара только вчера вечером говорила, что раз **левая** рука болит – это к инфаркту! И надо же, как во время предупредила!

Опешивший от неожиданности Михаил Петрович с размаху поставил чашку на стол и, к ужасу Зинаиды Васильевны, сказал о ее сестре Кларе очень нехорошие слова.

—Зина! – продолжил он, уже успокаиваясь. – Мне Курочкин, растяпа, вчера по левой руке доской так дал, что я думал плечо мне выбьет. Но синяком обошлось. А тут, понимаешь, я во сне на левый бок повернулся. Она и заныла. На, смотри, если не веришь!

Михаил Петрович повернулся к жене левой стороной. Рука повыше локтя припухла и наливалась синевой.

Зинаида Васильевна заплакала и сказала счастливым голосом:

— Ну, ладно, давай мне капли. Не пропадать же им.

Тимка проснулся рано, прислушался и посмотрел в окно. Шел дождь. Шумный летний ливень. Дождевые струйки то барабанили по подоконникам и балконным навесам, то прибавались ветром к оконным стеклам, стекая по ним потоками. Строптивный ветер заставлял деревья клониться к земле, и старые березы за окном, подчиняясь ему, неодобрительно покачивали мокрыми прядями из мелких ветвей и листьев.

Из ванной доносился шум воды и покашливание Трубникова. Тимка заглянул в гостиную. Кожаный диван был сложен, а на нем рядом с кейсом, поблескивая металлической чешуей, стальной питон браслета сжимал Командирские часы...

— «Бибигон!» – неожиданно для себя произнес Тимка и взял их в руки, – Подводная лодка «Бибигон»...

На пороге показался Трубников, вытирая полотенцем короткий ершик серебристых от седины волос.

— Зачем ты снял ремешок? – спросил у него Тимка, не здороваясь. – Он же красивый был! Вот тут заклепка и чайка...

— Буревестник, – поправил Трубников. – Доброе утро,

сын! Так перетерся ремешок. Но я его не выбросил. Приедешь домой – найдешь.

— Но часы ведь те же самые, да?

— Так точно. Раритет, можно сказать. Им лет тридцать. На них ни стали, ни золота не пожалели. . . Современные, ничего общего с такими часами не имеют. Разве что название. А на прочность ты их сам проверял: и в ванне топил, и с веранды бросал.

Трубников улыбнулся.

— Если не возражаешь, – продолжил он, натягивая рубашку, – я за кофе сбегаяю. Магазин тут же в доме. А ты чайник поставь, похозяйствуй, в общем. Перекусим и наметим план действий.

Когда Тимка наливал воду в чайник, из гостиной послышалась «Желтая субмарина». Он вздрогнул от неожиданности. Вовка, пока не уехал в свой Сургут, часто гонял по кругу все песни Леннона. Но это когда было! Тимка вошел в комнату и понял, что, звонит отцовский мобильник. Набрался смелости, взял его в руки, но ответить не решился. Телефон умолк. Однако, едва Тимка вернулся в кухню – засигналил опять, и Тимка решился:

— Алло! Вам кого? – сказал он как можно вежливей.

— Здравствуйте, правильно ли я набрал номер? – учтиво ответил мужской голос. – Мне нужен Антон Семенович Трубников.

— Правильно. Только он за кофе вышел, скоро придет.

— Я его врач, а с кем, простите, имею честь разговаривать?

.... Я Тимур... Трубников, – назвался Тимка и прибавил. – А Вы **морской** врач?

— Скажем, военно-морской.

Тимка задержал дыхание, а потом решительно спросил:

— Значит Вы всех подводных капитанов лечите, да?

— Всех не всех, но некоторых пользую, – с иронией в голосе сказал собеседник. – Вашего отца, например.

— А капитана ... – Тимка запнулся – Капитана К-19! Ну, Индиану Джонса, Вы лечили?

В трубке кто-то не то хмыкнул, не то крякнул.

— Мне, знаете ли, устав не позволяет иностранцев лечить, разве что в виде исключения. Так что с этой Индианой я не знаком.

Тимка почувствовал, что запутался и покраснел.

— Впрочем, – продолжил военврач. – Первого капитана атомной подводной лодки К-19 звали Николай Владимирович Затеев. Лечить мне его не пришлось, а знакомы были.

— А он тем же болел, чем и мой папа?

— Этого я еще не знаю, но мне известно, что Затеев после аварии на К-19 еще много лет во флоте служил и вышел в отставку капитаном первого ранга.

— И опять подводной лодкой командовал?! – спросил

Тимка с тревогой в голосе.

— Нет! В море он больше не ходил, – ответил врач. – И еще, могу Вас уверить, что тех проблем, с которыми столкнулись на К-19, на атомных лодках уже не бывает.

— Но от чего же тогда подводники болеют лучевыми болезнями?

— Ну, это Вы у отца узнаете. А от себя я скажу, что мы в таких случаях успешно их лечим. Накопили опыт, так сказать.

— И долго надо лечиться?

— По разному. И знаете, у моряков ведь как? Чем больше близких людей ожидает их на берегу, тем легче их путь к причалу, тем скорее они возвращаются. Так что лечить Антона Семеновича мы будем вместе: я – в госпитале, а Вы на берегу. Обещаете мне помогать?

— Обещаю... – серьёзно ответил Тимка и добавил после паузы. – И чтоб я съел червяка!

— Что? Что Вы съели? – забеспокоился военврач, но тут в коридоре хлопнула дверь.

— Папа! Папа! – позвал Тимка. – Тебе доктор звонит!

Отец торопливо взял трубку из рук Тимки, поблагодарил его кивком головы и вышел в другую комнату, прикрыв за собой дверь.

Тимка сел на диван и прислушался. Голос у Трубникова был командирский, и, хотя он старался говорить потише,

кое-что Тимка услышал.

—...это уже редко...да, голова ... нет, не пробовали. Донор... Понимаю. Но я надеялся еще несколько дней ... Вы представляете, мой ребенок начинает меня узнавать... Из девяти лет – шесть за тысячи миль... для него, если бы случилось так, то лучше бы не помнил... Четыре часа на сборы! Жесткое решение, товарищ генерал! И как я объясню это моему мальчику?! Он первый раз за эти годы папой меня назвал!

Молчание... Покашливание...

Тимка не сводил глаз с двери, и все равно вздрогнул, когда она, наконец, открылась.

Трубников, бледнее обычного, но с виду совершенно спокойный, сел рядом с сыном и сказал:

— Получены новые вводные, сынок, и наши планы меняются. Я ухожу на погружение, а ты остаешься на берегу. Но твоя прогулка по Москве не отменяется. С тобой поживет Слава, поводит по музеям, покажет город, парк Горького, поедит в метро. Ну как? Договорились?

Тимка не ответил. Он сидел на краю дивана, опустив голову и упираясь ладонями в потертую кожу. Молчал.

Трубников наклонился, заглянул ему в лицо, и, дав, наконец, выход охватившим его чувствам, схватил сына на руки и крепко прижал к себе.

— Ну что ты, Утенок? Что ты! Слава мой друг и отлич-

ный парень. А я после госпиталя обязательно к тебе приеду и отправимся, куда захочешь.

Какое-то время Тимка не сопротивлялся. Потом отклонился назад и сказал сипловатым баском:

— Я без тебя здесь не останусь. Я домой хочу.

Трубников разжал руки, ожидая что Тимка встанет, и грубо вздохнул:

— Как скажешь...

Но Тимка не встал, а теперь по своей воле прижался к Трубникову :

— Ты говорил: «утенок Тим». Я помню. Только ты был другим.

— Ты тоже, – печально улыбнулся Трубников.

— Так или иначе, – продолжил он после долгой паузы. – Нужно собираться. Я позвоню кому надо, доложу об отбытии, а ты, будь добр, принеси в спальню мою форму. Она в прихожей в чехле висит.

Трубников отдавал кому-то свои командирские распоряжения, кого-то о чем-то просил и о чем-то напоминал. А Тимка принес форму в спальню, стал стаскивать с нее чехол и, когда обнажился синий капитанский пиджак с погонами, значками и нашивками, почти испуганно отступил в сторону. Все пережитое им в Пашкиной квартире вместе с экипажем атомной подлодки К-19 на какие-то мгновения стало почти осязаемой реальностью. В такой форме стоял капитан

К-19, ожидая приказа выйти в море. И это был уже не Индиана Джонс, а его папа – Антон Семенович Трубников. Это он спас всех от страшного атомного взрыва и теперь поедет в военный госпиталь лечиться от лучевой болезни, о которой ни папа-Миша, ни Пашка, ни даже военный врач ничего толком не говорят. А что, если как Руна!

Все, что он сейчас думал о Каперанге, было известно ему и раньше, но это знание было не внутри него, а как будто снаружи. И вдруг оно стало уже не знанием, а каким-то общим переживанием для них обоих. Для Трубникова и для него, Тимки.

Все внутри Тимки сжалось и напряглось, как будто он внезапно ощутил близость непоправимой беды.

И непонятными голосами заговорили внутри пережитые страхи, обиды и тревоги того далекого времени, когда он остался один на один в мире незнакомых людей и предметов. И когда рыжий плюшевый щенок с черным ухом превратился в большую рыжую собаку, которая поняла, что с ним происходило, безо всяких слов.

И появилось отчаянное желание, чтобы Трубников, которого Тимка все еще с трудом называл папой,

понял это чувство. Чтобы Трубников знал, что его возвращения очень даже будут ждать: и папа-Миша, и Зина, и Вовка, когда приедет из Сургута, и он, Тимка. И он будет называть его папой, и покажет их с Сенькой вигвам! Пусть только

вылечится от своей атомной болезни и возвратится!

Тимка готов был заплакать от того, что так поздно все это понял.

Трубников в форме капитана первого ранга и Тимка сидели на диване и молчали. Ожидали приезда лейтенанта Славы и машины из госпиталя. Так много каждому из них хотелось сказать и так мало оставалось времени, что не знали, с чего начать.

— Тима, – нарушил молчание Трубников, проведя рукой по волосам, – капитанку принеси, пожалуйста. Она там же, где форма была.

— А я ее помню! – сказал Тимка, передавая отцу найденную фуражку. – Вот это (он указал на кокарду) – «Краб». Однажды он «убежал»!

—Ну... – усмехнулся Трубников, – это у нас гости были. Один мичман крабов принес, целую сетку. Вот и подшутили над тобой. Капитан-лейтенант Лавров в тот вечер на новой фуражке «Краба ломал», вот мичман и посадил сверху живого. Ты так рыдал, что икать начал. Здорово тогда мичману от меня досталось.

—А что это такое «Краба ломать»?

—Просто сгибают его немного, чтобы лучше к тулье прилегал. Кстати, Лавров был выходцем из Севастополя. У них капитанки шьют с высокой тульей. В нее подкладывают ват-

ный валик, чтобы она была выгнута, как лук с туго натянутой тетивой. А у нас, Балтийцев, молодые офицеры, наоборот, стальной ободок ломали, чтобы туляя немного провисала и сразу было видно, что перед вами не паркетный служака, а просоленный морем и обветренный всеми ветрами боевой офицер.

— А что это за звание – «каперанг»?

— Нет такого звания, юнга, – улыбнулся Трубников. – Есть звание капитана первого ранга. На флоте для краткости говорят «капраз». Capitão de mar e guerra («капитау ди мар и герра»), буквально – «капитан моря и боя». В сухопутных войсках соответствует званию полковника. «Каперанга» штатные придумали.

— А почему у капитана К-19 было четыре нашивки на рукаве, а у тебя – одна широкая.

— Николай Владимирович был капитаном второго ранга.

— Ты его знал?

— Нет. Но мы одно училище заканчивали – Высшее военно-морское училище имени М.В. Фрунзе, в Ленинграде. Теперь оно по другому называется.

А такой ромбик есть у того, кто в нем учился.

И Трубников потрогал ромбик с красной звездой на груди, справа.

— А почему ты без кортика? Ведь все капитаны должны их носить!

— Должны, но только с парадной формой. Такой вышел сейчас новый приказ.

— У тебя такая же лодка? – продолжил Тимка расспросы и указал на значок над ромбом.

— Нет. Это дизельная. У атомной рубка повыше..

— А таких лодок у нас много?

— Подводных крейсеров? Сколько-то десятков.

— Они все по номерам называются, как «К-19»?

— Номера – это само собой, но у каждой есть еще собственное имя.

— Какое?

— «Золотая рыбка», – хитро улыбнулся Трубников. – «Лешарик»...

— Такие смешные?!!

— Разные. «Святой Георгий Победоносец», например. А К-19 называли «Хиросима».

— Ты уже в школе хотел подводником стать?

— Нет. Я в твоём возрасте на другие планеты хотел летать. Однако, не все в жизни складывается так, как мы хотим в детстве, – сказал Трубников. – Но если другое дело, которое само человека выбрало, оказывается ему по плечу, и он чувствует себя на своем месте, то жалеть не о чем.

— Я военным не буду. Я стану морским исследователем, как Кусто, – решительно произнес Тимка. – Пашка говорит, что подводные лодки – это осколки в теле океана. Ему от них больно. Нужно вставить во все эти военные лодки иллюми-

наторы и превратить их в подводные автобусы.

— Ну, может именно ты это и сделаешь, дорогой мой конструктор, – улыбнулся Трубников и положил руку Тимке на плечо.

— Папа, а почему я живу без тебя и мамы? – после паузы задал Тимка свой главный вопрос отцу.

Много о чем готовился Трубников рассказать своему сыну, но до звонка в дверь только и успел сказать:

— За все, что с нашей семьей случилось, спросишь с меня, когда я вернусь.

— А если тебя долго не будет? Мне что же, опять придется по часам тебя узнавать? Ты уж постарайся лечиться по-лучше, а мы очень-очень будем тебя ждать. И папа-Миша, и Зина, и Вовка, и я, – сказал Тимка с отчаянием в голосе.

Трубников замер, пальцы, сжимающих колени, побелели. А потом он встал, снял с запястья часы, протянул их Тимке и спокойно сказал:

— Отдашь, когда вернусь.

Послесловие

— Пап-Миша, – уже совершенно сонным голосом говорил Тимка, обнимая подушку, – у папы на пиджаке десять пла-ночек от орденов. А каких – я не успел спросить. Слава толь-

ко об одной медали рассказал, потому что она юбилейная. А об остальных я у капраза сам должен узнать.

— Какого еще «капраза»? – удивился Михаил Петрович.

— «Каперанг» – это неправильно, на флоте капитана первого ранга называют капразом. А капитаном К-19 был «капдва». Юбилейная медаль – это в память её первого экипажа. На ней с одной стороны лодка и про подвиг, а с другой написано – мужество, доблесть, отвага. А **ты** знаешь, за какие подвиги папа **свои** ордена получил?

— Антон разве похвалится, – улыбнулся Михаил Петрович. – Но однажды вроде как отшутился, а я думаю, сказал правду: «За то, что мой экипаж на берег возвращался в полном составе».

В дверях показалась Зинаида Васильевна, посмотрела на мужа и племянника заплаканными глазами. Михаил Петрович незаметно для Тимки покачал с укоризной головой. Зинаида на секунду задержалась, прислонившись к косяку, потом тихо вышла.

Михаил Петрович еще долго сидел, прислушиваясь к спокойному детскому дыханию, потом осторожно поднялся.

А за окном слышно было, как налетел ветер, проснулись и недовольно зашептались листья на яблонях, и выглянул из-за тучки желтый месяц. Он с любопытством заглянул в окно маленького дома и не стал беспокоить спящего мальчика, а светлой дорожкой лег под ноги взрослому мужчине и прово-

дил его до дверей, за которыми стояла женщина с лунными волосами.

Месяц был старым, но уже собирался помолодеть. Он прожил столько жизней, сколько звезд на небе. Тысячи тысяч раз он плыл по ночному небу лодочкой, висел коромыслом, светился золотой цыганской монистой и катался по тучам оранжевым апельсином. Но так и не дождался еще, чтобы на всей «Земле был мир, а в человеках благоволение!»